28895

Property of CUNY

28898 Пр. Канцелярия

БИБЛІОТЕКА
* Ученаго Комитета Мин. Фин. *

28895

В. А. ЕВРЕИНОВЪ.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

ВОЛОСТНОЙ СУДЪ

3587

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Сентябрь и Октябрь 1910 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1910.

БИБЛІОТЕКА МИФ СССР
39

уяснить эту программу и способы проведенія упомянутыми лицами намѣченной ими конечной цѣли, необходимо остановиться на взглядахъ культурной части тогдашняго образованнаго общества на самыя преобразованія государственнаго и общественнаго строя.

Начавшееся при Александрѣ I умственное движеніе со второй четверти прошедшаго столѣтія было заторможено; всякое проявленіе мысли, не согласное съ правительственною системою, не пропускалось цензурою, строго преслѣдовались даже общества, учрежденныя съ чисто научными цѣлями, чуждыя всякихъ политическихъ вопросовъ.

При такомъ положеніи въ Москвѣ образуются въ концѣ тридцатыхъ годовъ *частные* домашніе ученно-литературные *кружки*. На ихъ собраніяхъ обсуждались всевозможные вопросы науки, искусствъ и юриспруденціи. Особенное развитіе кружки получили въ сороковыхъ годахъ и пріобрѣли такое значеніе, что къ мнѣніямъ ихъ членовъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушивалась интеллигенція цѣлой Россіи. На этихъ собраніяхъ обсуждались вопросы и о внутреннемъ состояніи Россіи. Всѣхъ членовъ связывала однимъ узломъ неизмѣримая любовь къ Россіи и стремленіе обновить ея обветшалыя учрежденія и ея народный бытъ. Разногласія происходили лишь въ способахъ осуществленія этого предположенія, при чемъ съ теченіемъ времени разногласіе это настолько усилилось, что образовались два самостоятельныхъ кружка, рѣзко отдѣлявшіеся другъ отъ друга по своимъ направленіямъ. Эти партіи извѣстны подъ именемъ *западниковъ и славянофиловъ*.

Первые изъ нихъ, *западники*, очарованные показною стороною западной мысли и жизни, сравнивая ее съ бытовыми условіями жизни славянъ вообще и русскихъ въ частности, пришли къ убѣжденію, что славянъ надлежитъ причислить къ разряду низшихъ расъ, что у нихъ нѣтъ ни оригинальности, ни изобрѣтательности, ни творчества, ни способности законодательной, ни политическихъ воззрѣній, если же у нихъ и имѣется извѣстная культура и извѣстный государственный и общественный строй, приближающійся, правда, въ весьма

малой степени, къ таковому же въ западныхъ государствахъ, то всѣмъ этимъ славяне обязаны иной высшей расѣ—нѣмецкой, трудолюбивой, несущей съ собою свѣтъ истины и благо всему человѣчеству.

Для того, чтобы уяснить хотя отчасти воззрѣнія западниковъ, необходимо обратиться къ временамъ 30—40 г.г. прошедшаго столѣтія, когда русская интеллигенція увлекалась философіею Фихте, Шеллинга и Гегеля; нѣмецкою философіею формулированъ и логически обоснованъ былъ и вопросъ національный.

По представленію нѣмецкихъ философовъ того времени, цивилизація или жизнь человѣческая расположена по одному общему плану и осуществляетъ одну общую идею—*идею безусловнаго*. Вся исторія человѣчества распадается на отдѣльныя эпохи, и каждая эпоха носитъ особую, частную идею, часть безусловной идеи. Частную идею каждой отдѣльной эпохи воплощаетъ *опредѣленный народъ*, онъ-то и ставится во главѣ цивилизаціи своего времени, являясь *господствующимъ* народомъ между всѣми другими народами,—онъ даетъ характеръ всей эпохѣ. *Остальные* народы должны духовно подчиниться ему, *слиться съ нимъ*, обречь себя на духовное рабство у этого носителя міровой идеи.

Вотъ эти-то воззрѣнія и были усвоены въ Россіи многими изъ передовыхъ людей тогдашняго времени, извѣстными подъ кличкою *западниковъ*, у которыхъ по этой причинѣ не встрѣчалось и не могло быть сочувствія къ идеѣ о родинѣ, какъ живомъ родномъ организмѣ съ опредѣленною національною личностью, о родинѣ, какъ особенной ярко индивидуальной и реальной силѣ въ великомъ всемірно-историческомъ процессѣ (Русь 1882 г. № 26). До какой степени западники преклонялись передъ европейской культурой видно изъ того, что на всякое уклоненіе отъ нея они смотрѣли, какъ на нѣкоторое замедленіе къ пріобщенію къ обще-человѣческому благу, и потому самое ношеніе національной одежды, не согласное съ общеевропейскою, являлось признакомъ *варварства и невѣжества*. И подобный взглядъ мы встрѣчаемъ даже у знаменитаго нашего критика В. Г. Бѣлинскаго

(†1848 г.) [1]). Впрочемъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ и даже въ пятидесятыхъ само правительство относилось подозрительно къ лицамъ, носившимъ народную одежду [2]).

По приведеннымъ же соображеніямъ, для созданія болѣе совершенныхъ формъ въ русскихъ государственныхъ учрежденіяхъ и въ народной жизни, по мнѣнію западниковъ, слѣдовало бы тѣ изъ законоположеній, которыя съ успѣхомъ дѣйствуютъ въ западныхъ государствахъ и вполнѣ согласны, такъ сказать, съ послѣднимъ словомъ научныхъ изслѣдованій, примѣнять неупустительно и къ Россіи, безъ всякаго отношенія къ мѣстнымъ ея условіямъ, при чемъ идеаломъ въ данномъ случаѣ выставлялась энергичная дѣятельность Великаго Петра. Подобную вѣру въ западную цивилизацію поддерживало со временъ Петра Великаго интеллигентное общество и наше правительство, да и самая русская исторія, по мнѣнію гр. М. М. Сперанскаго, должна считаться только съ Петра I. И мы дѣйствительно поочередно (до послѣдняго времени) передѣлывались то въ нѣмца, то во француза, англичанина, словомъ, во все,—только утрачивали способность быть тѣмъ, къ чему призывало насъ происхожденіе и исторія [3]).

Совершенно противоположнымъ, по своему воззрѣнію,

---

[1]) По поводу возникшаго въ 40-хъ годахъ прошедшаго столѣтія *украинофильства*, Бѣлинскій, въ глумленіи надъ нимъ, между прочимъ, писалъ: „чтобы могло выйти что либо въ будущемъ изъ малороссійской народной поэзіи, чтобы словами ея могла питаться литература, нужно было бы лучшей, благороднѣйшей части малороссійскаго населенія оставить французскую кадриль и снова приняться за гопака, фракъ и сюртукъ перемѣнить на жупань,—словомъ, изъ состоянія цивилизаціи, образованности и человѣчности обратиться къ прежнему варварству и невѣжеству (Соч. Бѣлинскаго, V, 64)“. Въ другомъ мѣстѣ на восторженные взгляды Луи Бланка о гусситствѣ, Бѣлинскій категорически заявлялъ, что намъ до славянъ нѣтъ дѣла, потому что они не сдѣлали ничего такого, что дало бы имъ право на вниманіе науки и на основаніи чего наука могла бы видѣть въ ихъ существованіи фактъ исторіи человѣчества (IX)“.

[2]) Отношеніе (секретное) Управляющаго б. III Отдѣл. Собств. Канц. отъ 18 января 1854 г. къ Управляющему М-вомъ Нар. Просв. Норову.

[3]) Лекція профессора Лавровскаго, читанная 18 января 1861 г. въ Харьковскомъ университетѣ (Архивъ истор. и практич. свѣд., относ. до Россіи, Калачева, вып. 1860—1861 г.г., кн. 2, стр. 90—112).

былъ кружокъ лицъ, называвшихъ себя *народниками*, наименованіе же этого кружка *славянофильскимъ* было присвоено ему западниками (Бѣлинскимъ) и сохранилось по настоящее время.

Основаніе кружка народниковъ положилъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ (†1860 г.).

Будучи прекрасно и высоко образованнымъ, самостоятельнымъ, обладая многоразличными отраслями вѣдѣнія: богословъ, философъ всемірной исторіи, вдохновенный пѣвецъ, Алексѣй Степановичъ первый въ кружкѣ возсталъ противъ космополитизма, нападалъ на слѣпую подражательность западу нашего общества, выяснилъ самобытную русскую государственность, подмѣтилъ отличительныя черты русской народности, русскаго быта и въ концѣ концовъ признавалъ, что русскій народъ не простой матеріалъ для опытовъ, а новая духовная сущность, и, какъ таковая, не можетъ не содержать въ себѣ зачатковъ, отличающихъ его отъ всѣхъ другихъ, и назначенъ въ общей міровой жизни пополнить или обогатить другихъ. Въ противовѣсъ западникамъ, относившимся съ презрѣніемъ къ простому народу, А. С. Хомяковъ облачился въ русскую національную одежду. Но ношеніе простонародной одежды не служило еще признакомъ принадлежности къ славянофильству, и лица, по воззрѣніямъ своимъ близко стоявшія къ А. С. Хомякову, ходили въ общеевропейскомъ платьѣ.

Однако нѣкоторые, не вполнѣ усвоившіе идеи славофильства, слѣдовали въ этомъ отношеніи по внѣшности Алексѣю Степановичу [1]), а другіе въ своемъ увлеченія народомъ объединялись съ пимъ и, переодѣвшись крестьянами, *шли* въ народъ, приноравливаясь къ его жизни, помогали ему въ сельскомъ хозяйствѣ, въ постройкѣ избъ, амбаровъ и проч., слѣдуя тѣмъ же примитивнымъ способамъ, какимъ придержива-

---

[1]) Изъ лицъ, наиболѣе выдававшихся по своему образованію, носившихъ крестьянскаго покроя одежду, можно указать на бывшихъ въ то время преподавателями въ I Московской гимназіи: А. А. Григорьева, извѣстнаго критика, и Т. И. Филиппова, достигшаго впослѣдствіи поста Государственнаго Контролера.

лись крестьяне, словомъ, *опрощались*. Къ подобному выраженію любви къ народу какъ А. С. Хомяковъ, такъ и истинные народники относились съ полнымъ неодобреніемъ, признавая, что такое *приниженіе* интеллигентныхъ лицъ можетъ еще болѣе укрѣпить невѣжественную толпу въ присущемъ ей упорствѣ держаться идеаловъ, выработанныхъ ея предками въ весьма отдаленное время и вылившихся въ неподвижныхъ, замерзшихъ формахъ жизни, несмотря на совершенно иныя, далеко опередившія ихъ общественныя условія и возродившіяся новыя жизненныя потребности.

Напротивъ того, славянофилы всю свою дѣятельность направляли къ тому, чтобы вывести народъ изъ застоя, пробудить въ немъ общественную самодѣятельность и трудоспособность и, путемъ насажденія русской школы и сообщенія полезныхъ для крестьянскаго быта свѣдѣній съ практическимъ ихъ примѣненіемъ, поднять культурность въ странѣ и тѣмъ способствовать поднятію, возвышенію духовнаго и матеріальнаго состоянія ~~двора~~ народа.

Заслуги славянофиловъ на этомъ поприщѣ весьма цѣнны, и они, по справедливости, являются первыми дѣйствительными піонерами интеллигентнаго крестьянства.

Лица, придерживавшіяся взглядовъ А. С. Хомякова, этого богатыря мысли и духа, выдѣлявшіяся изъ общаго кружка: братья П. В. и И. В. Кирѣевскіе, Ю. Ѳ. Самаринъ, К. С. Аксаковъ и преимущественно его братъ И. С. Аксаковъ, знаменитый публицистъ, народный трибунъ, признаваемый, по справедливости, апостоломъ славянофиловъ, а также ихъ послѣдователи, установили съ полною опредѣлительностью міровоззрѣніе народниковъ, сущность котораго по отношенію собственно къ разсматриваемому нынѣ предмету сводится къ нижеслѣдующему.

Въ то время, какъ западники и вообще представители либеральныхъ, прогрессивныхъ и въ особенности радикальныхъ умственныхъ теченій относились и относятся къ идеѣ народности отрицательно, видя въ ней тормозъ въ поступательномъ шествіи общечеловѣческой культуры, считая западноевропейскую цивилизацію образцомъ и нормою всечеловѣ-

ческаго строя, славянофилы народность и прогрессъ не разобщали между собой, но находили ихъ въ органическомъ соединеніи. Это соединеніе составляетъ главную типическую черту славянофильства, одинаково свойственную всѣмъ его фракціямъ: религіозно-метафизической, этнографическо-бытовой, мистико-демократической, культурно-исторической. Всѣ эти направленія, хотя расходятся между собой какъ сферою и матеріаломъ своихъ наблюденій, такъ и способами обоснованія своихъ идеаловъ, тѣмъ не менѣе всѣ они проводятъ одинъ и тотъ же основной принципъ—примиреніе *идеи народности съ идеями прогресса и свободы.*

Вмѣстѣ съ тѣмъ славянофилы всѣхъ фракцій и направленій единогласно признаютъ, что единеніе народности съ прогрессомъ достижимо единственно лишь въ томъ случаѣ, когда, при всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, клонящихся къ обновленію русскаго народнаго быта, будутъ строго соблюдаемы особыя условія, коихъ девизъ: *все изъ народа съ народомъ и для народа; ничего безъ народа, не изъ народа и противъ народа.* Въ виду этого, при всѣхъ реформахъ экономическихъ и политическихъ необходимо, прежде всего, считаться съ народною психологіею, исторіею и съ извѣстнымъ народнымъ взглядомъ, въ противномъ случаѣ величайшія усилія правительства не приведутъ къ намѣченной цѣли, чему служитъ примѣромъ множество учрежденій реформъ и нововведеній, оставшихся мертвою буквою, пустою формою безъ содержанія, и могутъ нанести лишь вредъ государству. Тотъ насильственный переворотъ, совершенный Великимъ Петромъ, на который ссылаются западники, имѣлъ однако своимъ послѣдствіемъ то, что русскій народъ, бывшій до того единымъ, соединеннымъ внутреннею и нравственною связью, расчлененъ Царемъ на части, рѣзко различающіяся между собою всѣмъ складомъ жизни и понятіями; но, что еще болѣе важно, Императоръ своими гоненіями на народный обликъ, обычаи и преданія русской старины и на тѣ порядки, которые были выработаны предками въ теченіе столѣтій, стремился создать государство *западно-полицейское* въ отличіе отъ *земскаго*, намѣченнаго, но еще недосовершеннаго, до-Петровскою Русью

(Аксаковъ „Русь“, 1882 г., № 7). Этотъ взглядъ на петровскія преобразованія въ извѣстной мѣрѣ опредѣляетъ и міровоззрѣнія народниковъ.

Своимъ знаменемъ для дѣятельности и направленія народники признаютъ тѣ же три основныя, коренныя начала, на которыхъ созидалось и развивалось наше государство, а именно: православіе, самодержавіе и народность, но при этомъ они выражаютъ пожеланіе—освобожденіе таковыхъ отъ тѣхъ наслоеній, которыя съ теченіемъ времени затемнили истинный ихъ духъ.

Соотвѣтственно сему, по мнѣнію славянофиловъ, церковь должна быть освобождена отъ государственной и полицейской надъ ней опеки, и самые вопросы, касающіеся вѣры, подлежали бы рѣшенію ея вполнѣ самостоятельно-соборными постановленіями.

Верховную власть славянофилы признаютъ не иначе, какъ въ лицѣ Самодержавнаго русскаго Царя, являющагося воплощеніемъ абсолютной правды и справедливости, при чемъ на такой образъ правленія они смотрятъ, какъ на *идеалъ*, отрицая всякія политическія и властолюбивыя притязанія, навязываемыя русскому народу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они постоянно выражали желаніе наибольшаго, тѣснѣйшаго единенія Царя съ землею, дабы *гласъ народа* о государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ и нуждахъ родины доходилъ до верховной власти непосредственно во всей своей *правдѣ*, не проходя предварительно сквозь призму иныхъ лицъ и учрежденій, вслѣдствіе чего самое дѣло естественно, даже безъ предвзятаго намѣренія, получаетъ несвойственную его сущности окраску, представленное нерѣдко въ искаженномъ и неполномъ видѣ. Иными словами, славянофилы желали единственно для спасенія русскаго государства и возвышенія престижа самой верховной власти вступленія на путь, указанный нашею исторіею, многократно испытанный и постоянно приносившій благотворные результаты для государства и для благосостоянія подданныхъ. Это—путь управленія государствомъ, при ближайшемъ дѣятельномъ участіи выборныхъ отъ всей земли русской; самыя же отноше-

нія подобныхъ собраній выборныхъ къ верховной власти выражаются въ нижеслѣдующихъ формулахъ: *„правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона, народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова; мысль земли, а воля царская; совѣты земскіе—рѣшеніе царское, по правдѣ Божеской“* [1]).

Переходя затѣмъ къ вопросу о народности, въ поясненіе вышесказаннаго о значеніи народа при всѣхъ государственныхъ и общественныхъ преобразованіяхъ, слѣдуетъ замѣтить, что, по мнѣнію славянофиловъ, народъ, по своей самостоятельности, несомнѣнно составляетъ великую земскую силу, но, чтобы таковая сила была творческой и приносила плоды, необходимо воздѣйствіе на нее *извнѣ*. Если же народная сила затворяется отъ внѣшнихъ воздѣйствій, то, по естественному закону, она неизбѣжно остается безплодною. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что національное самосознаніе есть великое дѣло, но, когда такое сознаніе переходитъ въ самодовольство, а самодовольство доходитъ до самообожанія, тогда естественный конецъ для него есть самоуничтоженіе; басня о Нарциссѣ поучительна не для отдѣльныхъ только лицъ, но и для цѣлыхъ народовъ. Это воззрѣніе на народность, столь опредѣлительно высказанное В. С. Соловьевымъ лишь въ 1882 г., было вполнѣ присуще славянофильству при самомъ его образованіи.

Такъ, А. С. Хомяковъ и И. В. Кирѣевскій сущность европейскаго образованія и западныхъ порядковъ признавали полезными для русскихъ, и, по ихъ мнѣнію, просвѣтить русскую національность, „возвысить ее, дать ей жизнь и силу развитія можетъ только вліяніе чужеземное, и тамъ, гдѣ общеевропейское образованіе совпадаетъ съ нашею особенностью, тамъ родится *просвѣщеніе истинно-русское*, образованіе національное, твердое, живое, глубокое и богатое благодѣтельными послѣдствіями“.

---

[1]) Представленная К. С. Аксаковымъ въ 1855 г. Императору Александру II записка о внутреннемъ состояніи Россіи; записка бывш. Министра Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьева, по проекту Манифеста о созывѣ земскаго собора, а также мнѣнія И. С. Аксакова, А. И. Кошелева и Ѳ. М. Достоевскаго.

Такое гармоническое сочетаніе общечеловѣческаго съ національнымъ особенно рельефно вырисовывалось незабвеннымъ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ († 1886 г.) въ его знаменательныхъ, одухотворенныхъ, пламенныхъ публичныхъ рѣчахъ и въ передовыхъ статьяхъ редактированныхъ имъ повременныхъ изданій.

Что же касается до неоднократно высказываемыхъ опасеній объ утратѣ будто бы русской національности, при позаимствованіяхъ европейской культуры, то, по замѣчанію вышеупомянутыхъ лицъ, наша религія, наши историческія воспоминанія и вся совокупность нашего быта слишкомъ отличны отъ остальной Европы, и бояться за участь *русской* народности, въ виду западныхъ вліяній, значило бы, какъ выразился А. С. Хомяковъ, „не вѣрить въ русскій народъ и сомнѣваться въ его органической самобытной жизни“.

И они искренно вѣрили въ силу культурнаго развитія и въ будущность русскаго пахаря, что такъ наглядно усматривается изъ соображеній по составленію Положенія 19 февраля 1861 г.

Сказаннаго достаточно въ подтвержденіе того обстоятельства, что пущенное западниками и держащееся ходячею молвою мнѣніе о томъ, что славянофилы въ своемъ консерватизмѣ стремятся возстановить прежде бывшее и отошедшее уже въ вѣчность, менѣе всего можетъ быть отнесено къ истинному славянофильству, которое никогда не было гасителемъ свѣта и свободы.

Созданное Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Аксаковыми, Самаринымъ и другими людьми, выдающагося ума и высокаго образованія, ученіе не останавливалось и не можетъ остановиться на statu quo, но, какъ всякое живое и жизненное ученіе идетъ, по завѣту великихъ своихъ учителей, навстрѣчу времени, расширяя свои задачи въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями страны и народа; косность же была всегда чужда истиннымъ славянофиламъ.

Во всякомъ случаѣ, можно не соглашаться съ воззрѣніями славянофиловъ, можно даже признавать, что, при враждебныхъ отношеніяхъ спорящихъ сторонъ, они не всегда

были правы, но нельзя при этомъ отрицать тотъ знаменательный фактъ, что славянофилы всегда отличались горячею любовью къ родинѣ и къ родному народу, что они первые заговорили о значеніи русской народности для развитія русскаго государства и что они же постоянно указывали на необходимость, ради пользы самой Россіи, сохраненія и укрѣпленія взаимнаго духовнаго единенія всѣхъ разрозненныхъ членовъ славянской семьи, на почвѣ культурно-экономической, при полномъ уваженіи и признаніи индивидуальныхъ особенностей каждой національности, безъ различія языка, вѣроисповѣданія и подданства, и такимъ образомъ славянофилами расширялась сфера панславизма изъ узко-религіозной въ широко-племенную.

Подобный взглядъ народниковъ на наши отношенія къ западнымъ славянамъ, защищавшійся ими съ особенною энергіею, не скоро былъ усвоенъ правительственными сферами и еще въ 1847 г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія циркулярно поручалось попечителямъ учебныхъ округовъ ознакомить подвѣдомственныхъ имъ лицъ и учрежденія, для ихъ руководства, съ взглядами на означенный предметъ правительства, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что *общаго* будто бы *славянства* въ *дѣйствительности не существуетъ*, но что оно распадается на нѣсколько племенъ, съ своей особой судьбой, съ своими особыми нравами и обычаями, и что въ такомъ положеніи находится и Россія; потому на нихъ возлагается обязанность возбуждать въ ихъ слушателяхъ духъ *не славянскій, игрою фантазіи созданный*, но единственно исходящій изъ *русскаго* самобытнаго начала, изъ русскаго ума, изъ русскихъ доблестей и вообще изъ нашей народности и исторіи (?) [1]). И такія указанія продолжали держаться, пока опала не была снята, и 26 января 1858 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе *Славянскаго благотвори-*

---

[1]) Изъ всѣхъ университетовъ получены были извѣстія объ исполненіи приказанія Министра (гр. Уварова), и только попечитель Московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгановъ отказался рѣшительно провести циркулярное предложеніе въ исполненіе, послѣдствіемъ чего было увольненіе его отъ должности.

тельнаго Комитета въ Москвѣ, поддержаннаго Высочайшими Особами, а также знаменитымъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, видными народниками А. С. Хомяковымъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ, братьями Аксаковыми и даже нѣкоторыми *славянолюбами* (не принадлежащими къ славянофильству), въ томъ числѣ М. Н. Катковымъ, внесшими значительныя пожертвованія на просвѣтительныя славянскія учрежденія.

Наконецъ, относительно введенія реформъ необходимо указать, что, по мнѣнію славянофиловъ, всякаго рода коренныя преобразованія, въ которыхъ ощущалась дѣйствительная потребность, признанная притомъ даже народомъ, только тогда могутъ имѣть благіе результаты, когда они проводятся не вдругъ, но постепенно, допуская при этомъ нерѣдко на практикѣ *разумныя уступки временнымъ требованіямъ общества*, чтобы дать возможность и народному сознанію проникнуться ими. *Отказывать насущнымъ* требованіямъ *въ необходимыхъ сдѣлкахъ значило бы лишь отсрочивать на неопредѣленное время торжество здоровыхъ началъ* [1]). Послѣдствіемъ сего можетъ случиться съ теченіемъ времени, что эти самыя начала настолько затемнятся въ народномъ сознаніи, что въ нихъ несущественное будетъ приниматься за существенное, и народъ съ изумительною твердостью станетъ придерживаться прежнихъ воззрѣній и порядковъ, быть можетъ, и не вполнѣ правильныхъ, но имѣющихъ за собою то достоинство, что таковые освящены стариною и съ ними народъ совершенно свыкся.

Ко времени вступленія на престолъ Императора Александра II между западниками и народниками происходила ожесточенная борьба, доходившая до непримиримаго озлобленія. Но эта борьба не была изъ какихъ либо интересовъ или

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1860 г., февраль, № 2. „Современная лѣтопись“. Рѣчь кн. Черкасскаго по поводу примѣненія научныхъ принциповъ къ дѣйствительной жизни вообще, не считаясь съ условіями мѣста и времени. Основной взглядъ кн. Черкасскаго вполнѣ раздѣлялся прочими членами Редакціонной Коммисіи. По мнѣнію Гилярова-Платонова, „существующій общественный порядокъ, какъ звено въ неразрывной исторической цѣпи, можетъ быть провѣренъ и улучшенъ только постепенными свободными преобразованіями“.

личнаго нерасположенія; напротивъ, они относились другъ къ другу съ полнымъ уваженіемъ, и представитель западниковъ, профессоръ Московскаго университета Т. Н. Грановскій, находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ семействомъ Кирѣевскихъ, виднѣйшихъ народниковъ [1]). Обѣ стороны служили также одному и тому же дѣлу—возрожденію Россіи, служили искренно и безкорыстно, чего также не отрицали и у противниковъ. Съ другой стороны, трудно себѣ представить въ настоящее время, до какой степени весь нравственный бытъ и строй, все святое святыхъ, всѣ идеалы и стремленія былы противоположны у нихъ. Поэтому-то возникшая между интеллигентными кружками борьба являлась борьбою культурныхъ началъ: съ одной стороны, начала, господствовавшаго въ то время среди оффиціальныхъ сферъ и, во имя теоретическихъ воззрѣній, властно гнувшаго русскую жизнь, съ инымъ началомъ, только еще воплощавшимся въ жизнь и съ теченіемъ времени, хотя медленно, но постепенно, все болѣе проникавшимъ въ общественное сознаніе и завоевывавшимъ себѣ соотвѣтственное мѣсто въ наукѣ. Въ 1866 г. профессоръ С.-Петербургскаго университета А. Д. Градовскій, во вступительной лекціи по государственному праву, прямо уже указываетъ, что „для насъ необходима государственная наука—*не иноземная*, а основанная на національныхъ началахъ государственной жизни“.

86430

---

[1]) До какой степени доходило нерасположеніе, притомъ съ предвзятою мыслью, къ началамъ народниковъ со стороны западниковъ, примѣромъ служитъ тотъ же Т. Н. Грановскій, человѣкъ въ высшей степени гуманный и безпристрастный, создавшій цѣлую плеяду ученыхъ послѣдователей. Незадолго до своей смерти онъ пишетъ къ К. Д. Кавелину: „эти люди противны мнѣ, какъ гробы. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи“. Проходитъ много лѣтъ, и другой ярый западникъ, А. И. Герценъ (издатель „Колокола“), вспоминая свои года пребыванія въ Россіи и отвѣчая 12 іюля 1864 г. на письмо Ю. Ѳ. Самарина о томъ, что на вызовъ Самарина на единоборство (по проповѣдывавшимся кружками принципамъ) никто изъ молодежи не вызвался, пишетъ: „я не дивлюсь этому: Вы такой боецъ, что не всякій рѣшится, чтобы Вы его съѣздили подъ мякитки. Я помню, какъ я бывало готовился со страхомъ логики и вѣрою въ Гегеля на споры съ Хомяковымъ и, приходя домой, считалъ, всѣ ли категоріи цѣлы“.

Всѣ вышеприведенныя основныя начала славянофиловъ въ вопросахъ объ обновленіи русскаго государственнаго и общественнаго строя и въ прогрессивномъ созиданіи болѣе совершенныхъ формъ жизни всецѣло были усвоены большинствомъ членовъ редакціонныхъ коммисій, о которыхъ упомянуто выше, и служили руководящею нитью проводившихся ими главнѣйшихъ реформъ, встрѣченныхъ съ полнымъ сочувствіемъ интеллигентными кругами, но—что еще особенно важно—воспринятыхъ съ особенными благопожеланіями простымъ народомъ, смотрѣвшимъ на преобразованія, какъ на отголосокъ и дальнѣйшее лишь развитіе и усовершенствованіе старинныхъ русскихъ учрежденій. „Въ *новизнахъ* Твоего *царствованія*“,—писали старообрядцы во всеподданнѣйшемъ адресѣ,—„*намъ старина наша слышится*. На Тебѣ, Государь, почіетъ духъ нашихъ царей добродѣтельныхъ“.

Тѣ же основныя начала примѣнены были и при составленіи Положенія 1861 г. о крестьянахъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости. Положеніе это носитъ характеръ того же устройства сельской поземельной общины, которое существовало у крестьянъ *издавна*, но облечено Положеніемъ въ строго опредѣленныя законныя формы и съ примѣненіемъ нѣкоторыхъ новыхъ постановленій, вызывавшихся тогдашними обстоятельствами и народившимися крестьянскими потребностями, а также и указаніями предшествовавшаго опыта волостного управленія у государственныхъ крестьянъ [1]).

---

[1]) Извѣстный своими путешествіями и этюдами о Россіи, баронъ Августъ фонъ-Гакстгаузенъ, путешествуя по Россіи въ 1843 г., обратилъ особенное вниманіе на общинный бытъ нашихъ крестьянъ и въ своей книгѣ о Россіи признавалъ общину расширеніемъ патріархальной семьи. *Между тѣмъ какъ другія европейскія государства, по своему происхожденію* и развитію—государства *феодальныя*, *Россія напротивъ*,—*государство патріархальное* (Стр. XVI и XIX перевода). По этому поводу поднялся въ литературѣ вопросъ о томъ, являлась ли русская община творческимъ произведеніемъ самого народа, или она создана правительствомъ съ фискальными цѣлями. Прежде всего проф. Т. Н. Грановскій въ своей статьѣ о родовомъ бытѣ германцевъ (Арх. истор.-юрид. св. о Россіи, изд. Калачевымъ, кн. 2, 1855 г.) доказалъ, что такая община существовала первоначально и у германцевъ. Другой ученый Б. Н. Чичеринъ, не отрицая этого послѣдняго факта, относилъ возстановленіе русской общины (раз-

Созидая настоящія законоположенія, редакціонныя коммисіи сознавали вполнѣ и тѣ недостатки, которые были имъ присущи. Такъ главный создатель общиннаго устройства по Положенію 1861 г., Ю. Ѳ. Самаринъ въ письмѣ къ Н. А. Милютину изъ Вюрцбурга отъ $^{9}/_{21}$ октября 1859 г., слѣдовательно, до окончательной формулировки выработанныхъ редакціонными коммисіями положеній прямо указывалъ на „*фактическія невыгоды и вопіющія несправедливости общиннаго*

рушенной еще до Варяжскаго періода) къ временамъ лишь Петра Великаго, какъ слѣдствіе введенія подушной подати (Обл. учр. Рос. въ XVII в., а также обз. истор. разв. сельск. общ., помѣщенн. въ его опытахъ по ист. русск. пр., изд. 1858 г.). Прочіе профессора раздѣляли мнѣніе бар. Гакстгаузена: К. Д. Кавелинъ (Соч. его, изд. 1859 г. Т. Шит. IV). П. Б. Бѣляевъ (Крит. разб. соч. Чичерина „Русск. бесѣда", 1856 г.), С. М. Соловьевъ: споръ о сельск. общ.— Русск. Вѣст. Т. VI, изд. 1856 г.—Того же мнѣнія держались въ своихъ сочиненіяхъ: Дмитріевъ:—Ист. суд. учр. отъ изд. судеб. до учр. о губ.—1859 г.; Лешковъ „Исторія рус. обществ. права до XVIII в.". Изъ прочихъ лицъ можно указать на Н. В. Калачева (его разборъ сочиненій Чичерина объ областныхъ учрежденіяхъ), Ю. Ѳ. Самарина: „Записка по крестьянскому дѣлу", написанная въ Августѣ 1857 г. (Т. II его соч., изд. 1878 г., стр. 144 и слѣд.). И. Е. Забѣлинъ.

Редакціонныя Коммисіи стояли на той же точкѣ зрѣнія, которой держались ученые, не согласные съ мнѣніемъ Чичерина. Въ послѣднее время многія сочиненія спеціально посвящены изслѣдованію происхожденія русской поземельной общины. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе изслѣдованія А. А. Кауфмана, напечатанныя между прочимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1904 г. (Сентябрь): „*Документы и живая исторія русской общины*" и сочиненіе его, появившееся въ 1908 г.—„*Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста*", а также изслѣдованія Н. П. Павлова-Сильванскаго: „*Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси*", появившіяся въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія въ 1901 и 1902 г.г. (Январь), пришедшихъ также къ выводу, что крестьянская община—учрежденіе древнее, возникшее самостоятельно.

Съ другой стороны, нашъ заслуженный профессоръ Петербургскаго университета (по каѳедрѣ исторіи русскаго права), занимающій по заслугамъ почетное мѣсто въ юридическомъ мірѣ, В. И. Сергѣевичъ въ своей статьѣ: „*Время возникновенія крестьянской поземельной общины*", повторенной вкратцѣ въ сообщеніи въ С.-Петербургскомъ клубѣ общественныхъ дѣятелей 7 февраля 1908 г., всецѣло поддерживаетъ мнѣніе Б. Н. Чичерина и признаетъ окончательно установленіе общиннаго землевладѣнія не старѣе закона о передѣлахъ 1781 г. Можно пожалѣть, что по столь важному вопросу почтенный профессоръ не подѣлился въ своихъ статьяхъ личными взглядами на предшествовавшія онымъ изслѣдованія, напечатанныя еще въ Журн. Мин. Нар. Пр. въ 1902—1904 г.г., а также тѣми данными, которыя имѣются въ исторіи удѣловъ, появившейся въ 1902 г., преимущественно во II томѣ.

устройства". Тѣмъ не менѣе прежняя сельская община была сохранена въ ея неприкосновенности, и это потому, „что сельская община признавалась коммисіями за *фактъ бытовой и существующій*, и съ удержаніемъ оной въ данное время *не связывалось нисколько будущее*. Но если бы потрясти ее *безотлагательно* и самовольно внести стихію *личнаго владѣнія* (взамѣнъ *владѣнія мірскаго*,—которое впослѣдствіи, *при естественномъ ходѣ экономическаго развитія*, можетъ обратиться и въ *личное*),—то навсегда была бы убита сельская община, ибо, разъ распавшись на единицы, она никогда уже не сомкнулась бы опять въ одно цѣлое".

Допуская недостатки въ организаціи проектированнаго общиннаго устройства, редакціонныя коммисіи смотрѣли на нихъ, какъ на *уступки*, вызванныя *временными* обстоятельствами, при чемъ однако конечною цѣлью предпринятаго ими преобразованія было *уравненіе лицъ сельскаго состоянія въ общихъ гражданскихъ правахъ съ прочими свободными сословіями, съ сохраненіемъ* лишь *внутренней сословной организаціи* настолько, насколько она продолжала существовать и по прочимъ сословіямъ. Такимъ образомъ и самое Положеніе 1861 г. являлось также *временнымъ*, и всѣ установленныя по оному учрежденія, служившія единственно для подготовительныхъ работъ къ переходу лицъ крестьянскаго сословія, какъ выше упомянуто, въ свободные полноправные сельскіе обыватели, съ наступленіемъ опредѣленнаго срока *подлежали упраздненію*. Такой срокъ и былъ опредѣленъ *девятилѣтній*.

Причины, по которымъ назначенъ для переходнаго періода девятилѣтній срокъ, заключались въ томъ, что помѣщичье хозяйство, основанное на обязательныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ, подверглось бы значительному разстройству въ томъ случаѣ, если бы законъ мгновенно замѣнилъ совершенную крѣпость крестьянъ *безусловною свободою*. Но, помимо огражденія выгодъ помѣщиковъ, постепенный переходъ крестьянъ изъ одного состоянія въ другое обезпечивалъ бы и будущее устройство самихъ крестьянъ, въ видахъ хозяйственныхъ и государственныхъ: крестьяне, привыкшіе въ теченіе относительно продолжительнаго времени къ своему новому

положенію, едва-ли бы стали бросать землю и обращаться къ бродяжничеству. Наконецъ не слѣдуетъ упускать изъ вида и тѣхъ натянутыхъ отношеній, которыя должны были неминуемо послѣдовать на первыхъ порахъ по освобожденіи крестьянъ между ними и помѣщиками,—отношенія эти съ теченіемъ времени также сгладились бы и вошли бы въ естественное, нормальное положеніе [1]).

Предположенія коммисій въ практическомъ примѣненіи ихъ правительственными органами не вполнѣ осуществились.

Вскорѣ по изданіи положенія 19 февраля 1861 г. главные дѣятели по крестьянской реформѣ, на которыхъ лежала бы обязанность проводить положеніе въ жизнь,—это Министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. С. Ланской, его Товарищъ Н. А. Милютинъ и управляющій земскимъ отдѣломъ Я. А. Соловьевъ, были устранены отъ непосредственнаго участія въ этомъ дѣлѣ; ихъ замѣнили иныя лица, прилагавшія весьма мало заботъ къ осуществленію предположеній редакціонныхъ коммисій, предуказанныхъ самимъ Положеніемъ. Въ 1873 г. внесено было въ законодательномъ порядкѣ представленіе, въ которомъ между прочимъ указывалось, что „истекшій срокъ представляетъ періодъ времени слишкомъ краткій, чтобы въ сознаніи крестьянъ могли окрѣпнуть вполнѣ правильныя и единообразныя понятія о значеніи дарованныхъ имъ по общественному управленію правъ, а потому существовавшій за проявленіями общественнаго крестьянскаго управленія надзоръ со стороны администраціи долженъ, съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ, не прекратиться совершенно, но измѣнить лишь свои формы“. Въ виду приведеннаго представленія послѣдовало Высочайше утвержденное 24 іюня 1874 г., согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, положеніе объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. За этимъ положеніемъ послѣдовали и другія, все болѣе и болѣе ограничивавшія гражданскія права крестьянъ, каковы законы: 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, законъ

---

[1]) Обозрѣніе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостного состоянія, стр. 59, 82, 83 (правительств. изд. 1861 г.).

8 іюня 1893 г. о передѣлахъ и законъ 14 декабря того же года о неотчуждаемости крестьянскихъ земель, съ воспрещеніемъ отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ, хотя бы выкупная ссуда по симъ землямъ и была погашена [1]). Но еще ранѣе 1893 г., а именно 12 іюля 1889 г., послѣдовавшимъ положеніемъ о земскихъ начальникахъ,—о которомъ сказано будетъ ниже, крестьянское населеніе изъято изъ общаго порядка управленія и суда. Что же касается до попытокъ предоставить возможность крестьянамъ освобождаться отъ гнетущаго ихъ состоянія выдѣленіемъ изъ общиннаго землевладѣнія, то таковыя не имѣли успѣха. Выработанныя по сему предмету коммисіею, учрежденною для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности, правила были внесены въ 1873 г. на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, при чемъ Императоромъ Александромъ II повелѣно было обратить должное вниманіе на необходимость облегчить выходъ изъ общины отдѣльныхъ ея членовъ. Большинство членовъ Комитета, съ своей стороны, находило, что отъ облегченія вопроса о переходѣ цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому зависитъ будущее благосостояніе Россіи. Согласно сему Комитетомъ Министровъ поручено было подлежащимъ министрамъ разработать указанные вопросы и внести ихъ на обсужденіе установленнымъ порядкомъ [2]). Но дѣло это затянулось слишкомъ на 30 лѣтъ и только въ послѣднее время начинаетъ получать движеніе.

Всѣми вышеприведенными мѣрами, въ связи съ дѣйствую-

---

[1]) Бывшій въ то время предсѣдателемъ Комитета Министровъ Н. Х. Бунге горячо возставалъ противъ ломки одного изъ главныхъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г. Доказывая полную несостоятельность предлагавшейся мѣры, Бунге въ поданной имъ запискѣ между прочимъ писалъ, что единственный результатъ, достигаемый въ будущемъ, вслѣдствіе неотчуждаемости крестьянской земли, ограничится тѣмъ, что крестьяне сочтутъ правительство *обязаннымъ надѣлять ихъ землею*, но не только государственною, но и частновладѣльческою. Пошатнувъ въ понятіяхъ крестьянъ не всегда ясное для нихъ представленіе о правѣ и личной собственности, правительство достигнетъ одного, что крестьяне не будутъ уважать помѣстной собственности и будутъ требовать надѣловъ.

[2]) Истор. обозр. дѣят. Ком. Мин. Т. III, ч. 1, стр. 98—100.

щимъ понынѣ временнымъ положеніемъ 1861 г., крестьянское сословіе совершенно изолировано отъ общаго гражданскаго правопорядка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ общихъ со всѣми остальными сословіями Имперіи условій гражданской жизни; съ другой стороны, наложенная на крестьянъ временная опека все болѣе разросталась, проникала постепенно глубже и глубже въ домашнее хозяйство крестьянина, связывая его по рукамъ и ногамъ, стѣсняла свободную дѣятельность, парализуя всякую предпріимчивость. Словомъ, вмѣсто того, чтобы поставить крестьянъ на ноги, снять съ нихъ ярмо, вести ихъ къ развитію, административные тиски все болѣе и болѣе охватывали народныя массы. Но въ послѣднее время правительствомъ прилагается особенная заботливость къ улучшенію крестьянскаго быта и раскрѣпощенію ихъ отъ путъ, связывавшихъ ихъ свободную дѣятельность. Указы 12 марта 1903 г. объ отмѣнѣ круговой поруки по уплатѣ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ и 9 ноября 1906 г. о правѣ выхода изъ общины составляютъ поворотные пункты въ земельной политикѣ, открывая доступъ къ примѣненію началъ частной крестьянской поземельной собственности, и этотъ законъ настолько воспринятъ въ жизни, что крестьяне въ огромномъ количествѣ переходятъ въ хуторское и отрубное хозяйства.

II.

Та же участь, которая постигла временныя правила общаго устройства быта крестьянъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости, повторилась и съ созданными симъ положеніемъ также временными правилами—*волостными судами*, при начертаніи которыхъ редакціонныя коммисіи принимали между прочимъ и законоположенія о судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствовавшія въ то время у государственныхъ крестьянъ,—законоположенія, вызванныя особыми нижеслѣдующими исключительными обстоятельствами.

При Императорѣ Петрѣ I, взамѣнъ взимавшихся поземельныхъ государственныхъ податей, установленъ былъ указомъ

11 января 1722 г. сборъ государственныхъ податей съ *души*— подушная подать, по числу душъ въ селеніяхъ, отъ стараго до послѣдняго младенца мужескаго пола, внесенныхъ въ списки предшествовавшей первой ревизіи населенія, при чемъ таковая подать исчислялась за *все число душъ*, значившихся въ такъ называвшихся ревизскихъ сказкахъ, впредь до новой ревизіи сполна, въ томъ числѣ и за умершихъ, убогихъ, бѣглыхъ и взятыхъ на государственную службу; но, съ другой стороны, родившіеся въ промежутокъ между ревизіями не *прибавлялись* къ окладу податей, упадавшихъ на извѣстное сельское общество. При этомъ указывалось, что „за крестьянъ и дворовыхъ и дѣловыхъ, и всякаго рода званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются, какъ-то скотниковъ, конюховъ, садовниковъ, псарей и др.“, должны были уплачивать владѣльцы земли—дворяне, при неисправности которыхъ,—что происходило рѣдко, въ единичныхъ случаяхъ,—имѣнія ихъ отбирались въ опеку, и доходы съ нихъ шли на уплату казеннаго долга.

Относительно государственныхъ казенныхъ крестьянъ, къ которымъ причислялись черносошные, дворцовые и другіе сельчане, было постановлено, что взиманіе съ нихъ подушной подати и особаго оброка за право пользованія предоставленною имъ отъ казны землею [1]) возлагалось на выборныхъ мірскими сходами должностныхъ лицъ. Но такое переложеніе податей съ земли на душу имѣло обратное явленіе: недоимки значительно увеличились сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Несмотря на всѣ мѣры ко взысканію съ государственныхъ крестьянъ податей, въ томъ числѣ установленіе обязательныхъ передѣловъ земли, въ видахъ надѣленія безземельныхъ крестьянъ, а также передѣлы по тягламъ и въ особенности раздѣлы земли по душамъ „въ виду того, что крестьяне платили уравнительно съ душъ, чего ради и землею должны быть уравнительно каждое село и деревня по душамъ“, подати поступали несвоевременно и далеко неисправно, и уже

---

[1]) Полная сумма подушнаго и оброчнаго сбора простиралась до 5 милл. (4.800.000).

въ 1727 г. (24 февраля), т. е. спустя съ небольшимъ четыре года по введеніи подушной подати, была учреждена особая *доимочная экспедиція*, а въ 1730 г. (21 янв.) открыта *канцелярія конфискацій*.

Для взысканія недоимокъ употреблялись строгія мѣры: правежъ, экзекуція, продажа имущества должника, тюремное заключеніе и даже ссылка въ каторжныя работы. Несмотря на столь суровое обращеніе съ неисправными плательщиками, недоборъ въ государственныхъ податяхъ оставался еще значительнымъ. Тогда правительство прибѣгло, независимо отъ непосредственнаго взысканія повинностей съ неисправныхъ должниковъ, еще къ иному способу пополненія недоимокъ. Такъ, указомъ 31 августа 1742 г. повелѣно „наложить штрафъ на губернаторовъ и провинціальныхъ воеводъ, а для собранія сихъ штрафовъ послать въ губерніи гвардіи солдатъ, которымъ держать губернаторовъ и воеводъ въ канцеляріи безъ выпуска до окончательной высылки недоимки и штрафа".

Такой способъ взиманія недоимокъ на первыхъ порахъ достигъ своей цѣли, но не надолго. Вообще въ теченіе 20 лѣтъ, съ 1728 г. по 1748 г., издано было по сему предмету по разнымъ случаямъ *девяносто* (90) указовъ; но недоимки продолжали расти, хотя и не въ такой степени, какъ прежде [1]).

При Императрицѣ Екатеринѣ II принята была еще новая мѣра къ пополненію причитавшихся съ крестьянъ государственныхъ податей. Такъ, въ 1769 г. (19 мая) было между прочимъ Высочайше постановлено, что „если государственные, дворцовые и экономическіе крестьяне и однодворцы не заплатятъ подушной подати, то забирать старостъ и выборныхъ и держать ихъ подъ карауломъ, употреблять въ тяжкія городовыя работы безъ платежа заработанныхъ и кормовыхъ денегъ, доколѣ вся недоимка заплачена не будетъ" (ст. 7).

Мѣра эта однако не принесла существенной пользы; выборные отъ крестьянъ не имѣли настолько средствъ, чтобы пополнить своимъ имуществомъ упадавшую на все сельское

---

[1]) Дѣло Государственнаго Совѣта, 25 марта 1838 г. по проектамъ учрежд. палатъ госуд. имущ.

общество недоимку, и, при дешевизнѣ заработной платы, выборнымъ приходилось томиться въ заключеніи долгіе годы, а все это повело къ тому, что мало-мальски состоятельный крестьянинъ откупался отъ избранія въ общественныя должности, и на нихъ попадалъ далеко не надежный элементъ.

Всѣ эти обстоятельства убѣдили правительство, что выколачиваніе недоимокъ влечетъ за собою еще большее обѣдненіе крестьянъ, а съ тѣмъ и увеличеніе неисправимыхъ плательщиковъ.

Изыскивая средства къ улучшенію матеріальнаго быта государственныхъ крестьянъ и обративъ прежде всего вниманіе на то, что крестьяне преимущественно страдали отъ произвола низшихъ исполнительныхъ чиновъ и несправедливости судебныхъ рѣшеній, зависѣвшихъ совершенно отъ обстоятельствъ, весьма мало имѣвшихъ отношеніе къ правосудію, Екатерина II положеніемъ 7 ноября 1775 г. для управленія губерній Всероссійской Имперіи учредила для дѣлъ маловажныхъ гражданскихъ и проступковъ особый крестьянскій судъ.

Такой судъ, съ одной стороны, соотвѣтствовалъ общей идеѣ—объ отдѣленіи власти судебной отъ административной, а съ другой—предоставлялъ каждому сословію вѣдаться въ низшихъ и среднихъ инстанціяхъ своимъ собственнымъ судомъ. Соотвѣтственно сему, образованы были двѣ судебныя инстанціи: высшая, подъ именемъ *верхней расправы*, и, низшая, подъ именемъ *нижней расправы*, изъ выборныхъ отъ государственныхъ крестьянъ.

Устанавливая таковой судъ, Екатерина, въ видахъ болѣе самостоятельнаго положенія его и безпристрастнаго рѣшенія ихъ дѣлъ, сдѣлала два существенныхъ отступленія отъ общей системы о составѣ сословныхъ судовъ. Такъ, предсѣдатели верхней расправы (ихъ было два: одинъ по дѣламъ уголовнымъ, а другой—по гражданскимъ) и расправный судья (въ нижней расправѣ назначались не по избранію сельскаго общества, а непосредственно правительствомъ изъ *достойныхъ чиновныхъ лицъ*, и утверждались: первые—Правительствующимъ Сенатомъ, а послѣдній—губернскимъ правленіемъ.

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

Независимо отъ сего, предоставлено было сельскому обществу избирать въ *засѣдатели* верхней расправы не только изъ разночинцевъ и поселянъ, но и изъ *дворянъ, или изъ ученыхъ людей или изъ чиновныхъ людей* (ст. 62, 74 и 75).

Что касается до компетенціи означенныхъ крестьянскихъ судовъ, то имъ, какъ выше сказано, были подсудны мелкія, по цѣнности исковъ, гражданскія дѣла, а изъ уголовныхъ—ссоры, драки и незначительныя, по цѣнности матеріальныхъ убытковъ, преступленія и проступки, но, если обратиться къ тогдашнему экономическому положенію крестьянъ, то оказывается, что въ большинствѣ случаевъ все частное имущество крестьянъ не превышало компетенціи расправъ, и потому установленный Екатериною судъ, при независимомъ его положеніи, могъ служить надежнымъ оплотомъ, охраною отъ своеволія со стороны односельчанъ и злоупотребленій со стороны мѣстныхъ властей.

Такъ какъ государственные крестьяне, подъ разными наименованіями, размѣщались неравномѣрно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находилось ихъ небольшое число душъ, то было постановлено: „въ тѣхъ городахъ и округахъ, гдѣ жительство имѣютъ однодворцы, или всякихъ прежнихъ службъ служилые люди, или черносошные, Государевы, крестьяне, приписанные къ какимъ ни на есть мѣстамъ и заводамъ, учреждаются, по усмотрѣнію генералъ-губернаторовъ, смотря на пользу и нужды и соображаясь съ обширностью губерніи и обстоятельствами разнообразныхъ уѣздовъ, отъ 10—15 тыс. душъ, по одному суду (вышеуказанному); этому же суду вѣдомы да будутъ судимы, на такомъ же основаніи, ямщики, экономическіе и дворцовые крестьяне и прочіе, временно въ коронномъ управленіи состоящіе“ (ст. 335).

Такой, какъ выше сказано, независимый судъ имѣлъ самыя благопріятныя послѣдствія для экономическаго состоянія крестьянъ, изъ которыхъ многіе стали обладать достаткомъ, дававшимъ имъ возможность уплачивать лежавшія на нихъ повинности, и вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя недоимки въ государственныхъ податяхъ значительно сократились, сравнительно съ прежними временами.

Спустя двадцать съ небольшимъ лѣтъ Императоръ Па-

велъ 1 отмѣнилъ особые крестьянскіе суды и подчинилъ по подсудности лицъ сельскаго состоянія общимъ судебнымъ установленіямъ.

Въ первый разъ такое правило выражено было въ началѣ 1797 г., по частному случаю.

Издавъ въ день своего коронованія, 5 апрѣля того же года, учрежденіе объ Императорской Фамиліи и отдѣливъ на содержаніе членовъ Императорскаго Дома „изъ государственныхъ владѣній“ особыя недвижимыя имѣнія, состоявшія „въ государственномъ исчисленіи подъ наименованіемъ дворцовыхъ волостей и деревень (въ количествѣ 400 т. душъ крестьянъ мужескаго пола), и давъ этимъ имѣніямъ наименованіе *удѣльныхъ*, Павелъ I вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ: „имѣнія, въ Удѣлы опредѣленныя, выходя изъ класса имѣнія государственныхъ, хотя въ число помѣщичьихъ не поступятъ и названіе имѣютъ удѣльныхъ, но во всѣхъ случаяхъ и гдѣ употребленіе помѣщичьихъ владѣній потребно, удѣльныя на ряду съ ними употребляются и одинаковымъ образомъ Нижнимъ и Верхнимъ (Земскимъ) судамъ подсудны“. Затѣмъ, хотя старостамъ предоставлено было право разбирать маловажные споры и тяжбы между удѣльными крестьянами, но, *если спорящіе не будутъ согласны на примиреніе и останутся недовольны приговоромъ*, въ такомъ случаѣ предоставлено имъ было вѣдаться въ судебныхъ мѣстахъ. Впослѣдствіи Высочайше утвержденнымъ въ 1808 г. Положеніемъ всѣ дѣла собственно удѣльныхъ крестьянъ между собою подлежали разбирательству исключительно удѣльной администраціи. Такой порядокъ существовалъ до включенія удѣльныхъ крестьянъ въ общую массу лицъ сельскаго состоянія по общему положенію 1861 г. [1]).

---

[1]) Отступленіе отъ указаннаго порядка допущено было въ 1837 г. для лашмановъ, однодворцевъ и другихъ *казенныхъ* крестьянъ Симбирской губ., переданныхъ въ удѣльное вѣдомство, въ силу чего тяжбы лашмановъ о личныхъ ихъ обидахъ и о собственномъ имуществѣ разбирались также приказами, но съ тѣмъ, что, если спорящія стороны не согласны на примиреніе и останутся приговоромъ сельскаго приказа недовольны, въ такомъ случаѣ предоставлено было имъ вѣдаться въ судебныхъ мѣстахъ, т. е. сохранено для нихъ правило, дѣйствовавшее у крестьянъ государственныхъ-казенныхъ (Исторія удѣловъ, т. II, стр. 508, 509).

Такое частное постановленіе, касавшееся крестьянъ удѣльныхъ, вскорѣ распространено было и на крестьянъ всѣхъ прочихъ казенныхъ имѣній. Указомъ 7 августа 1797 г. изданы были подробныя правила объ устройствѣ управленія въ казенныхъ имѣніяхъ, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на волости, при выборномъ сельчанами ихъ внутреннемъ управленіи, причемъ въ отдѣлѣ о правахъ и обязанностяхъ волостного головы повторены правила, установленныя для удѣльныхъ крестьянъ и состоявшія въ предоставленіи права чинить волостному головѣ маловажные ссоры и иски, и, въ случаѣ несогласія или неудовольствія сторонъ на рѣшенія волостного головы, предоставлено имъ *развѣдываться судомъ*.

Такое постановленіе отразилось крайне неблагопріятными послѣдствіями на крестьянскомъ бытѣ (какъ и по удѣламъ).

Достаточно указать, что Императоръ Александръ I, въ виду накопленія вновь большого числа крестьянскихъ недоимокъ по государственнымъ податямъ, вынужденъ былъ, при всей своей гуманности, подтвердить въ 1811 г. (отъ 16 мая) указъ Екатерины II 1769 г., постановивъ, что за неуплату податей отвѣчаетъ все общество, а выборные и главные виновники неплатежа (изъ крестьянъ) отсылаются въ рабочій домъ, доколѣ недоимка съ пенею не будетъ взыскана (§§ 20, 22). Такія мѣры однако мало приносили пользы, и недоимки продолжали расти.

Наконецъ при Императорѣ Николаѣ I приняты были новыя рѣшительныя мѣры противъ недоимщиковъ.

Положеніемъ 28 ноября 1833 г., для удобства взиманія казенныхъ податей, волости подраздѣлены на сельскія общества, по числу душъ отъ 300—500 въ селеніи, съ установленіемъ выборнаго управленія по волостямъ и поселеніямъ, по каждому отдѣльно, съ возложеніемъ отвѣтственности за исправность государственныхъ податей непосредственно на подлежащія сельскія общества, причемъ, въ видахъ выполненія обществами возложенной на нихъ обязанности, имъ предоставлены весьма обширныя безконтрольныя права на неисправнаго плательщика. Такъ, по мірскому приговору, дозволено было отбирать его недвижимое имущество (кромѣ

двора и казеннаго имущества) съ обращеніемъ доходовъ на уплату податей, при непополненіи этимъ недоимки, подлежало продажѣ движимое его имущество, исключая предметовъ первой необходимости: земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, сѣмянъ для посѣва и съѣстныхъ припасовъ. Если этого было недостаточно, то продавалось недвижимое имущество, а если не покрывалась недоимка, то неплательщикъ самъ или кто либо изъ его семейства употреблялся на частныя или мірскія работы, отдавался въ рекруты въ зачетъ общества, а при негодности, подвергался ссылкѣ на поселеніе (ст. 44, 45 п. 1—4 и ст. 48), томъ III изд. 1857 г.

Установленный въ 1833 г. порядокъ, въ практическомъ примѣненіи встрѣчалъ нѣкоторыя затрудненія. Дѣло въ томъ, что отъ отвѣтственности за бездоимочныя взысканія податей съ государственныхъ крестьянъ не освобождались и земскіе суды, сохранившіе притомъ съ 1797 г. законы объ обращеніи къ нимъ сельчанъ, при неудовольствіи на постановленія волостного добровольнаго суда. Эти суды, по просьбамъ жалобщиковъ, нерѣдко вмѣшивались въ распорядки волостныхъ правленій и сельскаго старосты и парализовали ихъ дѣйствія.

Въ виду сего и принявъ во вниманіе успѣшные результаты, послѣдовавшіе отъ учрежденныхъ Императрицею Екатериною особыхъ крестьянскихъ судовъ, положеніемъ 30 апрѣля 1838 г. учрежденъ, по примѣненію къ крестьянскимъ судамъ, образованнымъ въ 1775 г., спеціальный для крестьянъ, наименованный *домашнимъ*, судъ изъ двухъ инстанцій: высшей—*волостной расправы*, и низшей—*сельской расправы*, съ компетенціею, приближавшеюся къ компетенціи верхней и нижней расправѣ 1775 г.; но въ самомъ устройствѣ тѣхъ и другихъ судовъ была допущена существенная разница, отразившаяся на практикѣ неодинаковыми результатами.

Не входя въ детальное обсужденіе правилъ этихъ послѣднихъ судовъ по положенію 1838 г., составлявшихъ подробное обсужденіе редакціонныхъ коммисій, достаточно въ данномъ случаѣ указать, что въ образованныхъ положеніемъ 1838 г. судахъ между прочимъ проведено прежнее начало соединенія

власти административной съ судебной, съ преобладаніемъ первой, и допущено по отношенію къ волостнымъ головамъ (они же и предсѣдатели волостной расправы) существенное отступленіе отъ выборнаго порядка [1]), послѣдствіемъ чего было то, что волостныя и сельскія расправы менѣе всего ограждали личную безопасность недостаточныхъ крестьянъ и имущественные ихъ интересы, но своими авторитетными рѣшеніями онѣ еще сильнѣе закрѣпляли всякаго рода беззаконія органовъ мѣстнаго управленія. Но въ концѣ концовъ государственныя подати собирались въ большемъ количествѣ, сравнительно съ предшествовавшими годами, хотя съ вящшимъ раззореніемъ крестьянъ, и такимъ образомъ достигалась та принципіальная цѣль, въ видахъ которой эти суды были учреждены.

Постановленія 1838 г. о крестьянскихъ судахъ оставались въ силѣ безъ всякаго измѣненія до введенія правилъ о волостныхъ судахъ, по положенію 1861 г.

III.

Переходимъ къ трудамъ редакціонныхъ коммисій по настоящему вопросу.

Вопросъ объ установленіи спеціальнаго суда для лицъ сельскаго состоянія, по освобожденіи ихъ, обсуждался неоднократно во всей подробности въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ коммисіяхъ, при участіи приглашенныхъ въ эти коммисіи избранныхъ губернскими комитетами депутатовъ, при чемъ какъ комитеты, такъ и ихъ уполномоченные въ коммисіяхъ, расходясь во мнѣніяхъ въ отно-

---

[1]) *Волостной голова избирался* на *трехлѣтіе волостнымъ сходомъ*, но волостной голова оставался въ своей должности и по прошествіи трехлѣтія „*на неопредѣленное* время, пока самъ не будетъ просить увольненія или пока начальство ...., по уважительнымъ причинамъ не признаетъ нужнымъ избрать на его мѣсто другого".

Волостными головами могли быть назначаемы, по распоряженію Министра Госуд. Им., отставные и уволенные въ безсрочный отпускъ унтеръ-офицеры, фельдфебеля и вахмистры.

шеніи состава волостного суда и компетенціи послѣдняго, сходились въ общемъ скептическомъ отношеніи къ самой возможности полнаго безпристрастія отъ суда изъ выборныхъ сельскаго общества. Такой судъ, по мнѣнію ихъ, въ сущности будетъ *судомъ сосѣдей*, при чемъ на рѣшеніе его неизбѣжно повліяютъ знакомство, родство, взаимныя между сторонами экономическія и денежныя отношенія и другія домашнія обстоятельства и наконецъ, что не менѣе важно, давленіе на членовъ суда со стороны наиболѣе вліятельныхъ лицъ общины. Все это въ конечныхъ результатахъ, не говоря уже про обычныя въ этихъ случаяхъ угощенія, попойки у крестьянъ передъ мірскими сходами и судебными засѣданіями, приведетъ къ тому, что вмѣсто справедливаго со стороны волостного суда рѣшенія, ограждающаго права и законныя требованія сельчанъ, послѣдуютъ совершенно неправильныя постановленія волостныхъ судовъ. Такимъ образомъ, сами суды явятся источникомъ всякихъ противозаконныхъ дѣйствій, виновники которыхъ, подъ прикрытіемъ уже судебнаго авторитета, останутся безъ должнаго взысканія.

Относительно тѣхъ мѣръ, какія желательно принять въ видахъ устраненія указанныхъ недостатковъ, при новомъ устройствѣ созидавшихся волостныхъ судовъ, мнѣнія членовъ губернскихъ комитетовъ могутъ быть подведены подъ двѣ общія категоріи.

Комитеты первой категоріи сохраняли сильное и непосредственное вліяніе помѣщиковъ въ общественномъ крестьянскомъ управленіи и на судебныхъ разбирательствахъ и во всякомъ случаѣ признавали необходимымъ поставить управленіе крестьянскими обществами въ полную связь съ интересами дворянскаго сословія.

Комитеты второй категоріи были совершенно противоположнаго мнѣнія и признавали полезнымъ, взамѣнъ установленія для крестьянъ особыхъ судебныхъ органовъ, передать разсмотрѣніе ихъ дѣлъ по искамъ и проступкамъ въ общія судебныя учрежденія. Такъ полагали одни члены комитета, другіе же члены хотѣли самой волости придать характеръ не узкій, для одного сословія, но всесословный, подчинивъ кре-

стьянъ вмѣстѣ съ прочими жителями одной и той же мѣстности, имѣющими съ ними одинаковые интересы, одному общему самостоятельному административному управленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ ихъ безъ исключенія вѣдѣнію также одного самостоятельнаго суда.

Редакціонныя коммисіи отвергали безусловно всѣ предположенія членовъ комитетовъ, клонившихся къ прямому или косвенному подчиненію крестьянъ помѣщикамъ и вообще дворянскому сословію.

Перейдя къ предположеніямъ комитетовъ второй категоріи, коммисіи не могли не остановить вниманія на томъ, что при тогдашнемъ сословномъ составѣ судовъ и дѣйствовавшихъ тамъ правилахъ судопроизводства было бы крайне рискованно передать имъ разборъ крестьянскихъ дѣлъ, и такая передача могла бы отозваться болѣе вредными послѣдствіями, сравнительно съ разсмотрѣніемъ таковыхъ въ мѣстныхъ, спеціально для крестьянъ образованныхъ судахъ, не говоря уже о неминуемыхъ чрезъ то самыхъ неблагопріятныхъ толкахъ со стороны крестьянъ, будто бы снова переданныхъ во власть помѣщиковъ.

Совсѣмъ иначе относились коммисіи ко второму предложенію объ обращеніи волости во всесословную, гдѣ бы хотя по своей численности и преобладали тѣ же крестьяне, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая волость освѣжалась новымъ элементомъ—классомъ образованныхъ лицъ, что въ свою очередь не могло бы отразиться благими результатами на ходѣ крестьянскихъ дѣлъ, да и кромѣ того подобная мѣра послужила бы переходною ступенью къ общему управленію.

Сочувствуя такимъ образомъ указанному предположенію, члены редакціонныхъ коммисій все же не рѣшались ввести оное въ свои предначертанія изъ опасенія встрѣтить въ осуществленіи его не малыя затрудненія.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что Н. А. Милютинъ, какъ составитель проекта *всесословнаго* С.-Петербургскаго общественнаго управленія, Высочайше утвержденнаго 13 февраля 1846 г., встрѣченнаго крайне неблагосклонно въ высшихъ сферахъ, обвинялся ими въ подрывѣ самыхъ основъ

государственнаго управленія. Это обвиненіе тяготѣло надъ нимъ и во время работъ по крестьянскому дѣлу, держалось, хотя не въ той степени, и вслѣдъ за крестьянскою реформою.

Другому видному дѣятелю редакціонныхъ коммисій, кн. Черкасскому, за его будто бы антиправительственное направленіе было одно время воспрещено печатать свои сочиненія, и онъ состоялъ подъ бдительнымъ полицейскимъ надзоромъ, да и на Ю. Ѳ. Самарина, принадлежавшаго къ кругу славянофиловъ, въ административныхъ сферахъ смотрѣли подозрительно,—онъ также былъ подъ надзоромъ полиціи.

При такомъ положеніи и при не вполнѣ еще установившихся въ то время взглядахъ на возможность устройства мѣстнаго внутренняго управленія изъ лицъ безъ различія сословій, слѣдовало ожидать, что проектъ подобной волости, исходившій отъ редакціонныхъ коммисій, по иниціативѣ главныхъ дѣятелей крестьянской реформы, не получитъ дальнѣйшаго движенія, и самая идея о томъ надолго будетъ затемнена.

Однако, не отступая отъ означенной мѣры, редакціонныя коммисіи крайне осторожно затронули этотъ вопросъ съ иной стороны и предлагали установленіе мелкой единицы, въ видѣ *сельскаго прихода*, при чемъ раздѣленіе на приходы могло бы, по мнѣнію коммисій, оказаться полезнымъ въ близкомъ будущемъ при сліяніи всѣхъ сельскихъ сословій, представляя готовую рамку, на которую удобно улягутся *всѣ новые элементы*. Хотя подобное предложеніе о мелкой единицѣ, въ видѣ прихода, не было принято, уже по той простой причинѣ, что, кромѣ крестьянъ православныхъ, не мало крестьянъ иныхъ вѣроисповѣданій, но самая идея о мелкой всесословной административной единицѣ не могла, по существу, не быть воспринята и съ теченіемъ времени, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, вылилась въ опредѣленную форму.

Переходя затѣмъ къ вопросу объ устройствѣ особаго суда для крестьянскаго сословія, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что члены редакціонныхъ коммисій были сторонниками общаго суда, распространявшаго свою компетенцію на всѣ безъ

различія состоянія, и что они раздѣляли также и предположенія, въ основныхъ началахъ, разрабатывавшагося въ б. II Отдѣленіи Собственной Канцеляріи проекта объ учрежденіи мирового института, въ вѣдѣніе коего передавались тѣ же малоцѣнные иски и маловажные проступки, которые входили въ компетенцію волостныхъ судовъ государственныхъ крестьянъ. Предположенія эти поступили въ коммисіи чрезъ посредство Высочайше учрежденной 27 марта 1859 г. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, предсѣдателемъ которой состоялъ Н. А. Милютинъ.

Такъ какъ редакціонныя коммисіи смотрѣли на все новое мѣстное управленіе, созидавшееся по крестьянскимъ дѣламъ, какъ на учрежденія, вызванныя временными обстоятельствами, ограничившимися *срокомъ переходнаго состоянія, вытекавшаго изъ срочно обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ*,—то и самые учреждавшіеся крестьянскіе суды являлись учрежденіями *временными* и съ истеченіемъ указаннаго срока подлежали упраздненію.

Такой взглядъ раздѣлялъ и Государственный Совѣтъ.

Самый судъ образованъ былъ редакціонными коммисіями на выборномъ началѣ, при чемъ власть судебная отдѣлена отъ административной, и разбирательство возникавшихъ въ средѣ крестьянъ тяжбъ и споровъ, а также совершавшихся въ кругу ихъ проступковъ, возложено было не на постоянныхъ судей, какъ это было у государственныхъ имуществъ, а на избранныхъ изъ среды крестьянъ *очередныхъ* судей. Такая форма возлагала, по мнѣнію коммисій, раздѣлявшемуся и Государственнымъ Совѣтомъ, большую степень отвѣтственности судей, поочередно возвращавшихся въ кругъ своихъ односельчанъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, наибольшую *независимость суда отъ внѣшнихъ и административныхъ вліяній.*

Созданные положеніемъ 1861 г. крестьянскіе суды высказали въ практическомъ примѣненіи полную свою несостоятельность. Тѣ опасенія, которыя высказывались въ дворянскихъ комитетахъ и редакціонныхъ коммисіяхъ, съ теченіемъ

времени получили самое широкое развитіе въ дѣятельности судовъ.

Дѣла на сходахъ и въ волостныхъ судахъ рѣшали не по обычному праву, какъ то предполагалось, а совершенно по другимъ соображеніямъ. Что касается до рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ, то, въ сущности, такое большинство являлось только кажущимся, а дѣлами распоряжались немногіе, прозванные міроѣдами. Если принять во вниманіе, что въ учрежденіяхъ съ значительно высшимъ, сравнительно съ крестьянами, умственнымъ развитіемъ членовъ, дѣла, даже при закрытой баллотировкѣ, рѣшаются весьма нерѣдко, такъ сказать, не по правдѣ и справедливости, а по личнымъ интересамъ и другимъ побочнымъ обстоятельствамъ, открывающимъ обширное поле интригамъ, борьбѣ партій и подбору голосовъ, то что же сказать въ такомъ случаѣ о мірскихъ сходахъ и постановленіяхъ судовъ въ средѣ мало развитаго населенія, при тѣсномъ кругѣ мѣстныхъ интересовъ и при бѣдности большей части населенія, всецѣло зависящаго въ экономическомъ отношеніи отъ нѣкоторыхъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Очевидно, что при такомъ положеніи самый вопросъ при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ заключается не въ томъ, правильно ли, по убѣжденію и совѣсти предстоитъ, соотвѣтственно сему, разрѣшеніе дѣла, а въ томъ, насколько таковое угодно извѣстному лицу, отъ котораго зависитъ его кредитоспособность, а такихъ подневольныхъ лицъ большинство.

Доказательствомъ того, до чего доходило своеволіе и безправіе на сельскихъ сходахъ и волостныхъ судахъ, служитъ уже то обстоятельство, что лучшіе домохозяева уклонялись и даже откупались отъ общественной службы, выставляя обществу угощенія, и потому на общественныя должности попадали люди не развитые, поддававшіеся стороннему вліянію и потворствовавшіе всѣмъ вкоренившимся въ народную жизнь безобразіямъ.

Подобныя явленія встрѣчались повсемѣстно, были подтверждены приговоромъ общественнаго мнѣнія, наименовавшимъ

волостной судъ—судомъ лапотниковъ, и удостовѣрены оффиціальными и частными изслѣдованіями [1]).

Между тѣмъ 20 ноября 1864 г. утверждены новые Судебные уставы, а съ 1866 г. вводятся мировыя судебныя учрежденія, въ компетенцію которыхъ, какъ выше сказано, вошли всѣ тѣ же маловажные проступки и малоцѣнныя гражданскія дѣла, подлежавшія вѣдѣнію бывшихъ земскихъ судовъ и перешедшія за небольшимъ отступленіемъ и въ волостные суды.

Нужно отдать справедливость мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ, что они, своимъ безпристрастнымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ тяжущимся, обвинявшимся и свидѣтелямъ, а также и къ постороннимъ лицамъ, обращавшимся къ нимъ за совѣтами, заслужили полное довѣріе въ обществѣ и имѣли несомнѣнно благотворное вліяніе на умственное народное развитіе, на смягченіе нравовъ и вкорененіе въ населеніе чувства уваженія къ законности. Сами крестьяне, избѣгая волостныхъ судовъ, обращались весьма часто, по взаимному между собою соглашенію, къ мировымъ судьямъ за разрѣшеніемъ и такихъ дѣлъ, которыя подлежали въ общемъ порядкѣ компетенціи волостныхъ судовъ. Но, независимо отъ этого, нельзя оставить безъ вниманія и то весьма существенное обстоятельство, что съ освобожденіемъ крестьянъ и съ предоставленіемъ имъ общихъ гражданскихъ правъ, множество крестьянъ стало вступать въ личныя торговыя и промышленныя предпріятія и другія экономическія сдѣлки съ лицами, не принадлежащими къ сословію, и внѣ раіона ихъ осѣдлости, и въ этихъ случаяхъ обращались, по своимъ дѣламъ, по цѣнности иска и проступковъ, въ общія судебныя учрежденія и, по ихъ уже компетенціи, пользовались предоставленными ими гарантіями въ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ.

---

[1]) Донесенія командированныхъ въ 1880—1881 г.г. въ разныя губерніи на ревизіи сенаторовъ; труды коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова, а также общее обозрѣніе дѣятельности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за время царствованія Императора Александра III, стр. 18—19.

Съ другой стороны, самый образъ жизни и понятія во многомъ существенно измѣнились противъ прежняго времени, при чемъ и такъ называемое крестьянское обычное право, выработавшееся подъ вліяніемъ совершенно иныхъ условій и на которое постоянно ссылаются поборники волостныхъ судовъ, отступало совершенно на задній планъ и утрачивало свою силу и, если примѣнялось, то, быть можетъ, въ первое лишь время. По крайней мѣрѣ всѣ уѣздные комитеты, о которыхъ сказано будетъ ниже, съ полнымъ скептицизмомъ отнеслись къ самому фактy существованія подобнаго права, и не было случая, по словамъ ихъ, когда бы, при судебномъ разбирательствѣ, приводилось сторонами какое либо правило изъ обычнаго права, на которое указывалъ бы судъ въ какомъ либо изъ своихъ мотивированныхъ рѣшеній.

Наконецъ слѣдуетъ признать, что тѣ сроки, на которые были созданы временныя крестьянскія учрежденія и крестьянскій судъ, давно миновали.

Прямымъ результатомъ такого положенія являлось, по естественному порядку вещей, уничтоженіе волостныхъ судовъ и предоставленіе крестьянамъ вѣдаться по своимъ дѣламъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ подобно тому, какъ то установлено для прочихъ сословій, въ томъ числѣ и для мѣщанскаго, по своимъ понятіямъ и образу жизни весьма мало различающагося отъ крестьянскаго.

Тѣмъ не менѣе по прошествіи 27 лѣтъ съ изданія положенія 19 февраля 1861 г. и 22 лѣтъ по введеніи мирового института, положеніемъ 12 іюля 1889 г. мировыя учрежденія упраздняются, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ, а волостные суды не только сохраняются, но ихъ компетенція, по подсудности дѣлъ, значительно расширяется, и независимо отъ всего учреждаются новыя должности, *земскіе начальники*, въ лицѣ которыхъ соединены нераздѣльно административно-судебныя функціи, и такимъ образомъ смѣшиваются вновь двѣ совершенно разнородныя власти, что безусловно отвергнуто, по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ, какъ наукою, такъ и вѣковою практикою въ нашемъ отечествѣ и отступало отъ Высочайшаго указанія, преподаннаго учрежденной 27 марта

1859 г. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммисіи о новомъ устройствѣ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій: имѣть, при составленіи проектовъ, постоянно въ виду начало, „чтобы власть судебная была, по возможности, отдѣлена отъ власти исполнительной, и стараться ограничить сію послѣднюю исключительно полицейскими обязанностями“.

IV.

Мысль объ учрежденіи такой должности по крестьянскому управленію, въ лицѣ которой соединялась бы административная власть съ судебною, возникла впервые при начертаніи въ редакціонныхъ коммисіяхъ правилъ о временномъ крестьянскомъ управленіи по выходѣ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Такъ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ 12 ноября и 10 декабря 1859 г. статсъ-секретаремъ Блудовымъ о преобразованіи судебныхъ мѣстъ, Императоръ Александръ II, между прочимъ, повелѣлъ: войти съ предсѣдателемъ состоявшей при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ въ сношеніе о томъ, могутъ ли мировые судьи (впослѣдствіи переименованные въ *мировые* посредники), учреждавшіеся для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, быть соединены съ тѣми, которые предположены въ проектѣ новаго судоустройства. На это предположеніе статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ отозвался отрицательно, въ виду спеціальнаго назначенія мировыхъ посредниковъ и различныхъ условій при отправленіи обязанностей тѣхъ и другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно постановленію коммисіи, Милютинъ не отвергалъ, что въ *частности* могли быть случаи, при которыхъ мѣстныя условія сдѣлаютъ необходимымъ и возможнымъ соединеніе *въ одномъ лицѣ* тѣхъ и другихъ обязанностей, *съ соблюденіемъ условій, требуемыхъ закономъ для занятія той или другой должности.*

При предварительныхъ соображеніяхъ въ Государствен-

номъ Совѣтѣ о преобразованіи судебной части, поднятъ былъ вновь вопросъ, представляется ли надобность имѣть сверхъ мировыхъ судей еще и мировыхъ посредниковъ, *обязанности коихъ могли быть безъ труда возлагаемы на судей.*

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вполнѣ согласился съ такимъ предположеніемъ, основываясь на отзывахъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, находя, что обязанности мировыхъ судей, потерявъ исключительно судебное значеніе, имѣли бы для нихъ болѣе жизненные интересы, и притомъ самое завѣдываніе судебнымъ разбирательствомъ не всегда оградило бы мировыхъ судей въ дѣлахъ общественнаго управленія отъ перехода въ бюрократовъ-администраторовъ и сохранило бы то значеніе ихъ въ дѣлахъ общественнаго управленія, какое присвоено мировымъ посредникамъ положеніемъ о крестьянахъ. Вслѣдствіе сего Министръ Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретарь Валуевъ остановился на предположеніи о сліяніи спеціальныхъ и общихъ мировыхъ учрежденій, переименовавъ мировыхъ посредниковъ въ мировые судьи.

Съ своей стороны, Министръ Юстиціи высказался противъ соединенія этихъ учрежденій, признавая такую мѣру отклоненіемъ отъ основного положенія судопроизводства, требующаго прежде всего отдѣленія власти судебной отъ исполнительной, административной и законодательной. Съ мнѣніемъ Министра Юстиціи согласился Государственный Совѣтъ, и 20 ноября 1864 г. утвержденъ законъ, создавшій особый, чисто судебный мировой институтъ.

Вопросъ о сліяніи мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ общими судебными установленіями вскорѣ вновь былъ возбужденъ.

Въ январѣ 1865 г. была учреждена коммисія изъ 10 членовъ, коей было поручено составить соображенія о передачѣ обязанностей мировыхъ посредниковъ мировымъ судьямъ. При этомъ большинство членовъ (6 членовъ) коммисіи полагало въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ будутъ введены мировыя судебныя установленія, всѣ обязанности мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ передать мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ.

Раздѣляя такое мнѣніе большинства, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ съ своей стороны присовокуплялъ, что неудобство соединенія власти судебной и административной заключается въ передачѣ *административнымъ органамъ власти судебной*, а отнюдь не въ передачѣ судебнымъ органамъ *нѣкоторыхъ* административныхъ обязанностей.

Меньшинство коммисіи (4 члена) находило, что Судебные уставы 20 ноября 1864 г. должны быть приведены въ дѣйствіе безъ всякаго отступленія отъ установленныхъ въ нихъ началъ. Измѣненіе этихъ началъ было бы противно значенію и самому достоинству вновь изданныхъ законовъ и могло бы дать поводъ къ весьма опаснымъ заключеніямъ, или будто бы Судебные уставы основаны на невѣрныхъ и на неприложимыхъ началахъ, или будто бы правительство не намѣрено ввести ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они утверждены. Находя, что, съ передачею мировымъ судьямъ обязанностей по крестьянскимъ дѣламъ, они не могли бы сохранить того положенія, какое имъ предоставлено Судебными уставами 20 ноября 1864 г., и что вслѣдствіе такой передачи не осуществилось бы коренное начало судебной реформы—отдѣленіе власти судебной отъ административной, 4 члена коммисіи признавали невозможнымъ сліяніе мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ общими мировыми установленіями.

Государственный Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ меньшинства коммисіи.

Проходитъ двадцать лѣтъ, новый режимъ, вызывавшій обычный протестъ со стороны тѣхъ лицъ, которыя отстаивали все прошедшее, не возбуждалъ болѣе никакого сомнѣнія въ своей пользѣ, да и самая жизнь подсказывала начала подраздѣленія обязанностей. Чисто практическія неудобства, вытекавшія постоянно изъ нераздѣльности разнородныхъ функцій, заставляли выдѣлять изъ числа этихъ послѣднихъ одну функцію за другою и поручать каждую самостоятельную отрасль дѣла отдѣльному самостоятельному органу, пока наконецъ не сформируется, какъ выводъ изъ фактовъ дѣйствительной жизни, *принципъ* раздѣленія властей.

Но въ половинѣ 80 годовъ прошедшаго столѣтія выдвигается вновь, повидимому совершенно уже покончeнный безъ возврата, вопросъ о сліяніи административной власти съ судебною. Этотъ вопросъ подробно обсуждался въ засѣданіяхъ Высочайше учрежденной особой коммисіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова, для составленія проектовъ мѣстнаго управленія. Поводомъ къ сему послужили донесенія командированныхъ въ разныя губерніи для ревизіи сенаторовъ, обнаружившихъ полную непригодность и злоупотребленія со стороны мірскихъ сходовъ, волостныхъ правленій и волостныхъ судовъ.

Для устраненія сего, нѣкоторые члены во главѣ съ Пазухинымъ [1]) находили, что единственнымъ средствомъ къ упорядоченію крестьянскаго управленія представляется учредить особую должность *начальника участка*, на котораго на ряду съ обязанностями чисто административными возложить функціи мирового судьи. Только при подобныхъ условіяхъ такое лицо въ состояніи будетъ, замѣтивъ неисправности, принять своевременно мѣры къ ихъ искорененію.

Съ своей стороны, большинство членовъ, не отрицая пользы учрежденія такой должности, которая была бы болѣе близка къ населенію, сравнительно съ существующей, признавало однако возможнымъ предоставлять оной *исключительно* власть административную, исходя изъ того основного начала, что однимъ изъ главныхъ условій успѣшнаго хода дѣлъ управленія, одной изъ самыхъ существенныхъ гарантій нерушимости правъ частныхъ лицъ со стороны администраціи, является надлежащая система привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности. Только до тѣхъ поръ администрація дѣйствуетъ удовлетворительно, только до тѣхъ поръ не начинается произволовъ и злоупотребленій, пока каждый органъ ея знаетъ,

---

[1]) Пазухинъ былъ приглашенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, гр. Толстымъ, на должность правителя канцеляріи Министра, и, по порученію министра, имъ были составлены проекты: положеній о земскихъ начальникахъ и новаго земскаго положенія.

что онъ не останется безнаказаннымъ при превышеніи власти или вторженіи въ права частныхъ лицъ, или при бездѣйствіи и упущеніяхъ. Только при этомъ условіи, отдѣльное частное лицо можетъ быть спокойнымъ, что его права не будутъ нарушены, и все населеніе можетъ относиться съ довѣріемъ къ управленію и оказывать ему полное содѣйствіе, безъ котораго администрація обойтись не можетъ.

Между тѣмъ отвѣтственность проектированнаго начальника должна раздѣлиться между судебнымъ вѣдомствомъ и административными властями, и такая двойственность не можетъ не отразиться вредными послѣдствіями или на отправленіи правосудія, или на выполненіи административныхъ обязанностей, и такимъ образомъ самое управленіе государства лишилось бы всякаго единства.

Не менѣе серьезное неудобство заключалось бы въ невозможности правильно организовать привлеченіе къ отвѣтственности частныхъ лицъ за совершенныя ими нарушенія законныхъ требованій *властей*, такъ какъ административный органъ, отправляющій въ то же время правосудіе, являлся бы по этимъ дѣламъ и административнымъ судьею. Наконецъ трудно разсчитывать, чтобы всѣ или по крайней мѣрѣ большинство лицъ, которымъ пришлось бы занимать столь могущественное положеніе, пользовались своею властью въ предѣлахъ закона, и въ результатѣ нельзя не опасаться „такого произвола на мѣстахъ, отъ котораго только и оставалось бы бѣжать изъ уѣзда и тѣмъ, кто въ немъ еще остается, не говоря уже о положеніи крестьянъ“ [1]).

Наконецъ въ 1887 г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, гр. Толстымъ, внесено было въ Государственный Совѣтъ представленіе вмѣстѣ съ проектомъ объ учрежденіи должности земскаго начальника и губернскаго по сельскимъ дѣламъ присутствія.

При обсужденіи сего представленія члены Государственнаго Совѣта не пришли къ единогласному заключенію, при

---

[1]) Журналъ коммисіи № 5 засѣданія 30 октября, 3, 6, 10, 13, 17, 20, 24 и 27 ноября 1884 года.

чемъ въ общемъ собраніи Совѣта мнѣнія раздѣлились: 13 членовъ высказались за принятіе предположеній министра, а 37 членовъ противъ его предположеній.

Въ видахъ болѣе правильнаго обсужденія настоящаго дѣла обратимся прежде всего къ тѣмъ мотивамъ, которые послужили основаніемъ для меньшинства членовъ Совѣта примкнуть къ предположеніямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Сущность ихъ состояла въ слѣдующемъ.

„Удовлетвореніе нѣкоторыхъ назрѣвшихъ потребностей по мѣстному управленію не можетъ быть отлагаемо на продолжительный срокъ, безъ *ущерба для спокойствія и порядка въ государствѣ*. Въ ряду такихъ потребностей первое мѣсто *безспорно* принадлежитъ приведенію въ благоустройство крестьянскаго управленія. Образованное въ 1861 г. при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, оно въ первые годы дѣйствовало успѣшно, подъ надзоромъ и руководствомъ мировыхъ посредниковъ, но со времени сокращенія ихъ состава и объема ихъ власти, и въ особенности съ упраздненіемъ въ 1874 г. самой должности и замѣной ихъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ,—обстоятельства совершенно измѣнились. Изъ близкаго и живого надзора за крестьянскими учрежденіями онъ превратился въ формальный и отдаленный. Коммисіи, собиравшіяся лишь періодически, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, въ уѣздномъ городѣ и состоявшія, за исключеніемъ непремѣннаго члена присутствія, изъ должностныхъ лицъ, обремененныхъ прямыми служебными обязанностями, не могли принести сколько-нибудь осязательной пользы въ наблюденіи за крестьянскими обществами на всемъ пространствѣ уѣзда. При такихъ условіяхъ, надзоръ правительства сталъ призрачнымъ, а крестьянскія общественныя учрежденія и выборныя власти оказались въ сущности предоставленными самимъ себѣ.

Результаты такой самостоятельной и безконтрольной дѣятельности весьма неутѣшительны. Произволъ и вопіющія несправедливости на волостныхъ и сельскихъ сходахъ *и волостныхъ судахъ*, злоупотребленія и лихоимство волостныхъ старшинъ, писарей и сельскихъ старостъ стали наиболѣе харак-

терными чертами крестьянскаго управленія. При отсутствіи надлежащаго правительственнаго надзора за дѣятельностью сельскихъ общественныхъ органовъ, въ крестьянской средѣ пріобрѣтаютъ *господствующее* положеніе люди, преслѣдующіе исключительно свои матеріальныя выгоды и съ этою цѣлью вліяющіе какъ на приговоры сходовъ, такъ и на рѣшенія волостныхъ судовъ, а интересы большинства крестьянъ остаются беззащитными. Не менѣе печальную картину представляютъ составъ и дѣятельность единичныхъ органовъ крестьянскаго управленія. Избираемые далеко не изъ лучшихъ домохозяевъ, они, при исполненіи своихъ обязанностей, руководствуются большею частью только личными цѣлями и потому не пользуются уваженіемъ среди крестьянъ. Обязанные своимъ положеніемъ избранію односельчанъ, они лишены отпечатка правительственнаго авторитета, а въ нашемъ отечествѣ власть, не имѣющая сего характера, никогда не пользовалась и едва-ли будетъ когда либо пользоваться значеніемъ въ глазахъ народа.

Таково современное положеніе крестьянскаго общественнаго управленія. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что оно пришло въ полное разстройство, и что неурядица въ немъ растетъ съ каждымъ днемъ.

По *единогласному* удостовѣренію многихъ губернаторовъ, сами *крестьяне* потеряли вѣру въ свое самоуправленіе и *ожидаютъ его улучшенія отъ одного* лишь *правительства*. Дисциплина и чувство законности сильно поколеблены въ крестьянской средѣ. Въ ней сохранились только патріотизмъ и любовь къ царю. Чувства эти даютъ ей пока возможность терпѣть и ожидать облегченія тогдашняго невыносимаго положенія. Но не слѣдуетъ забывать, что крестьянство составляетъ не менѣе 60% всего населенія Имперіи, что оно есть сила, и притомъ сила, доступная всякимъ вліяніямъ, нерѣдко самымъ злонамѣреннымъ, и что, если оно утратитъ надежду на правительство и начнетъ исправлять зло помимо и, такъ сказать, внѣ правительственнаго руководительства, то можетъ вызвать глубокія потрясенія всего государственнаго строя, размѣры и послѣдствія коихъ едва-ли возможно предвидѣть.

Къ устраненію сихъ послѣдствій и съ цѣлью удовлетворенія мѣстныхъ потребностей и былъ направленъ проектъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Основная мысль проекта заключалась въ учрежденіи въ уѣздѣ *единоличныхъ* органовъ для завѣдыванія крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и нѣкоторыми другими дѣлами, по роду своему весьма близко соприкасавшимися съ этою главною задачею, и завѣдываніе коими было бы необходимо для успѣшнаго ея осуществленія.

Такимъ образомъ разсматриваемою мѣрою полагалось восполнить тотъ пробѣлъ, который оставался въ мѣстномъ управленіи съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ, при чемъ однако относительно предметовъ вѣдомства и предѣловъ власти земскихъ начальниковъ въ проектѣ были допущены нѣкоторыя частныя отступленія отъ постановленій, опредѣлявшихъ кругъ дѣятельности посредниковъ,—отступленія, вызванныя измѣнившимися обстоятельствами со времени упраздненія посредническихъ должностей.

Большинство членовъ Государственнаго Совѣта съ своей стороны не отрицало полнаго разстройства крестьянскаго общественнаго управленія, равнымъ образомъ оно считало полезнымъ для упорядоченія крестьянской жизни учрежденіе особаго правительственнаго органа, наиболѣе близкаго къ крестьянской средѣ, въ лицѣ участковыхъ начальниковъ,—единственно съ властью административною,—и которые бы контролировали дѣйствія крестьянскаго общественнаго управленія. Но, какъ съ другой стороны этому начальнику предполагалось, по проекту, поручать между прочимъ нѣкоторыя дѣла, касавшіяся не только крестьянъ, къ которымъ примѣнено положеніе 19 февраля 1861 г., но также и иныхъ лицъ, проживающихъ въ подвѣдомственномъ участковому начальнику раіонѣ, а потому, во избѣжаніе неминуемыхъ пререканій его съ другими уѣздными властями въ особенности по дѣламъ, по которымъ привлекается къ участію все вообще населеніе уѣзда, большинство членовъ Совѣта полагало: проектированныхъ участковыхъ начальниковъ учредить не для одного лишь только крестьянскаго населенія, но присвоить

имъ значеніе въ смыслѣ органа *общеадминистративнаго*, съ распространеніемъ ихъ компетенціи на всѣхъ безъ изъятія проживающихъ въ ихъ участкѣ лицъ, со введеніемъ при этомъ ихъ въ общій строй мѣстныхъ учрежденій.

Противъ такого предположенія большинства членовъ Государственнаго Совѣта, допуская даже въ принципѣ его полезность, встрѣчалось то вѣское соображеніе, что для его осуществленія, при сложности дѣла, потребовалось бы значительное время на подготовительныя работы,—составленіе затѣмъ проектовъ новыхъ законоположеній въ измѣненіе дѣйствовавшихъ уставовъ о правахъ и обязанностяхъ уѣздныхъ властей и учрежденій въ согласованіи съ правами и обязанностями, присваиваемыми участковымъ начальникамъ, и проведеніе проектовъ въ установленномъ порядкѣ.

Между тѣмъ, по заявленію меньшинства, въ числѣ котораго былъ, независимо отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, также и Министръ Государственныхъ Имуществъ (Островскій) [1]),—оба, по своимъ должностямъ, стоявшіе въ ближайшихъ непрерывныхъ отношеніяхъ съ сельскимъ населеніемъ и хорошо освѣдомленные съ его положеніемъ,—всякое дальнѣйшее промедленіе къ упорядоченію крестьянскаго управленія повлекло бы за собою, какъ указано выше, пагубныя послѣдствія, могущія отразиться даже на самомъ государственномъ строѣ.

Переходя наконецъ къ предложенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, составлявшему, такъ сказать, корень, гвоздь, всего предположенія,—о совмѣщеніи въ одномъ лицѣ земскаго начальника власти административной съ властью судебною, нельзя прежде всего не признать, что такое соединеніе въ одной должности двухъ совершенно разнородныхъ функцій, дѣйствительно, какъ справедливо указано въ приве-

---

[1]) Меньшинство членовъ Государственнаго Совѣта, участвовавшихъ въ засѣданіи общаго собранія и выразившихъ солидарность съ представленіемъ, составляли: гр. Толстой, Философовъ, Побѣдоносцевъ, Островскій, кн. Долгорукій, Деляновъ, Набоковъ, Корниловъ, Посьетъ, Зубовъ, Манасеинъ, Вышеградскій и Мансуровъ 2 (Ник. Пав.).

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

денномъ выше журналѣ Кохановской коммисіи, могло бы принести существенный вредъ при выполненіи одной функціи на счетъ другой, въ особенности въ ущербъ правильному отправленію правосудія, и съ тѣмъ вмѣстѣ составляло бы прямое нарушеніе установленнаго наукою и строго проведеннаго Судебными уставами Императора Александра II 20 ноября 1864 г. основного положенія объ отграниченіи власти судебной отъ административной. Между тѣмъ въ числѣ лицъ, раздѣлявшихъ предположенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, усматриваются между прочимъ П. А. Зубовъ и К. П. Побѣдоносцевъ, пользовавшіеся извѣстностью, какъ ученые юристы, и принимавшіе самое дѣятельное участіе въ трудахъ по созиданію самыхъ Судебныхъ уставовъ. Но, что не менѣе еще замѣчательно, къ тому же предположенію примкнули какъ бывшій Министръ Юстиціи Д. Н. Набоковъ, такъ и занимавшій въ то время тотъ же государственный постъ Н. А. Манасеинъ, проводившіе судебные уставы въ жизнь и, по своимъ должностямъ, имѣвшіе непосредственный надзоръ за правильными примѣненіями сихъ уставовъ судебными учрежденіями и потому бывшіе въ состояніи, по практическимъ уже даннымъ, установить, въ какой мѣрѣ пріемлемы предположенія графа Толстого съ точки зрѣнія правосудія,—и они не встрѣтили также никакихъ затрудненій къ проведенію этого предположенія.

Сопоставляя мнѣнія меньшинства по настоящему дѣлу, становится очевиднымъ, что на ихъ мнѣнія несомнѣнно вліяли тѣ пагубныя послѣдствія, которыя представлялись имъ при угрожающемъ тогдашнемъ разстройствѣ крестьянскаго хозяйства, для избѣжанія которыхъ они признали болѣе соотвѣтственнымъ поступиться на сей разъ теоретическими воззрѣніями и подчиниться,—во вниманіе къ исключительнымъ обстоятельствамъ, вызываемымъ неотложными временными условіями жизни,—требованіямъ, исходившимъ отъ лица, всецѣло отвѣтственнаго за внутреннюю безопасность въ государствѣ.

Въ разрѣшеніе возникшаго въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта между членами несогласія, послѣдовало 20 января 1889 г. собственноручная Императора Алексан-

дра III резолюція: *соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ* (меньшинства), *желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облечить уѣзду тяжесть платежей: часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ начальникамъ и въ волостные суды, и меньшая часть, болѣе важныя дѣла, могли бы отойти къ окружнымъ судамъ. Во всякомъ случаѣ непремѣнно желаю, чтобы эти измѣненія не помѣшали окончанію разсмотрѣнія проекта до лѣтнихъ вакацій.*

Въ исполненіе столь опредѣленно выраженной Высочайшей воли, составлены были, по соглашенію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, соотвѣтственные проекты, которые, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, были 12 іюля 1889 г. Высочайше утверждены и въ тотъ же день объявлены въ Именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, съ приложеніемъ положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено будетъ означенное положеніе, и правилъ о волостномъ судѣ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, вмѣстѣ съ росписаніемъ соотвѣтственныхъ должностей и правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ.

Переходя къ разсмотрѣнію правилъ, установленныхъ новымъ положеніемъ по отношенію собственно волостныхъ судовъ, оказывается, что въ видахъ возвышенія уровня судей (избраніе болѣе достойныхъ лицъ) и правильнаго отправленія ими правосудія приняты были слѣдующія мѣры: 1) избраніе кандидатовъ въ суды перенесено непосредственно на сельское общество, коему лучше извѣстны нравственныя качества избираемыхъ лицъ, чѣмъ волости, притомъ кандидатами могли быть только лица, имѣющія право быть избранными въ члены волостного схода; 2) возвышеніе для избираемыхъ возраста, а именно не ниже тридцатипятилѣтняго; 3) волостные судьи, кандидаты къ нимъ и предсѣдатели волостныхъ судовъ, во время состоянія въ ихъ должностяхъ, не подлежатъ административнымъ взысканіямъ, предоставленнымъ вла-

сти сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и даже земскихъ начальниковъ; 4) *ближайшій и непосредственный надзоръ* за движеніемъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ и отправленіемъ судьями лежащихъ на нихъ обязанностей возложенъ на земскихъ начальниковъ, и 5) допущено обжалованіе рѣшеній крестьянскаго суда въ апелляціонномъ порядкѣ, чѣмъ устранялись встрѣчавшіеся случаи невозможности отмѣны рѣшеній, явно несправедливыхъ, но по коимъ нельзя было усмотрѣть кассаціонныхъ поводовъ.

Самый кругъ дѣятельности волостного суда очерченъ правилами весьма широко. Ему подсудны не только крестьяне всѣхъ наименованій, но и всѣ постоянно *жительствующіе* внѣ черты городскихъ населеній мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые. Равнымъ образомъ расширена и компетенція волостныхъ судовъ въ предѣлахъ вышеуказанныхъ.

Переходимъ къ осуществленію предпринятой реформы.

По мѣрѣ введенія въ дѣйствіе преобразованныхъ учрежденій, на Высочайшее усмотрѣніе стали поступать всеподданнѣйшія заявленія губернаторовъ о достигнутыхъ этою реформою результатахъ.

По донесеніямъ, реформа сопровождалась самыми благопріятными послѣдствіями въ смыслѣ быта и устроенія крестьянской общественной жизни на началахъ строгой законности. Лучшіе люди деревни встрѣтили новую правительственную власть съ признаками несомнѣннаго уваженія и полнаго довѣрія, волостное и сельское начальства, находясь подъ надзоромъ ближайшей власти, остерегаются незаконно дѣйствовать, сходы постановляютъ свои приговоры не подъ вліяніемъ вина, какъ было прежде, а обдуманно. Но „въ особенности улучшился волостной судъ, пріобрѣвшій на глазахъ населенія значеніе судебнаго мѣста, разсматривающаго дѣла по совѣсти, ближайшимъ послѣдствіемъ чего *явилось увеличившееся число обращенія къ волостному суду* лицъ, ему неподвѣдомственныхъ“. Съ другой стороны, земскіе начальники своею дѣятельностью *пріобрѣли среди населенія особое довѣріе*; „къ нимъ обращается народъ за совѣтами и указаніями,

и много судебныхъ дѣлъ часто разрѣшается въ нѣсколькихъ словахъ, личною бесѣдою земскаго начальника съ тяжущимися, безъ начала судебнаго процесса".

Такіе результаты, полученные реформой 12 іюля 1889 г., повели за собою распространеніе этой реформы и на другія мѣстности, въ указѣ Сенату не поименованныя, въ томъ числѣ почти на всю Европейскую Россію, и коснулись многихъ мѣстностей и Сибири, гдѣ преобразовывались крестьянскія учрежденія по правиламъ, тождественнымъ съ основными началами положенія о земскихъ начальникахъ.

По мѣрѣ того, какъ положеніе 12 іюля примѣнялось на практикѣ, дѣятельность новыхъ крестьянскихъ учрежденій не встрѣчала однако всеобщаго сочувствія въ общественномъ мнѣніи, но такое обстоятельство обыкновенно объяснялось тѣмъ, что „успѣвшая пустить глубокіе корни въ народную жизнь распущенность, со всѣми неурядицами въ хозяйственно-экономическомъ строѣ сельскаго населенія, требуетъ значительнаго времени для исправленія, и самое значеніе реформы 12 іюля 1889 г., какъ *мѣропріятія, являющагося прямымъ продолженіемъ* великой освободительной *реформы 19 февраля 1861 г.*, недостаточно усвоена" [1]).

Подобное воззрѣніе принято было за основаніе и образованною въ 1902 г. особою при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ редакціонною коммисіею по пересмотру законоположеній о крестьянахъ [2]). Исходную точку проектовъ этой коммисіи составляетъ сохраненіе *обособленности* крестьянскаго сословія, съ его особеннымъ *крестьянскимъ судомъ*, на началахъ положенія 12 іюля 1889 г.

По поводу приведеннаго мнѣнія, что правила 12 іюля 1889 г. являются будто бы *прямымъ продолженіемъ реформы* 1861 г., нельзя прежде всего не отмѣтить, что самая реформа 1861 г. была, какъ это уже объяснено, лишь мѣрою

---

[1]) Общій обзоръ дѣятельности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за время царствованія Императора Александра III, стр. 27—28.

[2]) Труды редакціонной коммисіи, 1902 г. 6 ч. изд. 1903 г.

временною, а въ подтвержденіе сего и въ дополненіе къ уже вышесказанному по этому предмету достаточно привести нижеслѣдующія подлинныя слова Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 г., гласящія: „въ силу означенныхъ новыхъ положеній, *крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей*“. А что по истеченіи девятилѣтняго срока съ утвержденія положенія 1861 г. временныя крестьянскія „учрежденія подлежали *уничтоженію и крестьяне должны быть подчинены общимъ для всѣхъ гражданъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ*“,—это видно, между прочимъ, изъ представленія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по коему послѣдовало положеніе 1874 г. и въ которомъ упоминалось: 1) что приведенное толкованіе словъ манифеста признано *всѣми вѣдомствами*; 2) что имъ, Министромъ, испрашивалось уже чрезъ Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія о нѣкоторыхъ *временныхъ* измѣненіяхъ въ узаконеніяхъ о мировыхъ посредникахъ,—на что послѣдовало Высочайшее утвержденіе,—„впредь до новаго всесторонняго и тщательнаго обсужденія вопроса *не о преобразованіи, а объ упраздненіи спеціальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и подчиненіи крестьянъ общимъ органамъ правительственной власти* и 3) что Главный комитетъ, соглашаясь съ представленіемъ Министра и въ видахъ упраздненія особыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, поручилъ Министру ускорить представленіемъ своего заключенія объ окончательномъ устройствѣ дѣлъ, возложенныхъ на мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, для безотлагательнаго приступа къ упраздненію должности мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ.

Изъ всего изложеннаго нельзя не признать, что *обособленность* крестьянъ въ юридическихъ отношеніяхъ отъ прочихъ сословій не только не соотвѣтствуетъ основнымъ началамъ реформы 1861 г., но является отрицательною ея стороною.

Между тѣмъ какъ отъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ продолжали получаться самыя утѣшительныя извѣстія о примѣненіи положенія 12 іюля 1889 г.,—въ то же время

въ Министерствѣ Юстиціи накоплялись иныя свѣдѣнія по дѣламъ, производившимся въ судебныхъ учрежденіяхъ, а въ особенности изъ всего матеріала, который имѣется въ трудахъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, учрежденныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ 22 марта 1902 года, усматривается, что крестьянская юстиція, *нарисованная мѣстными комитетами, настолько безотрадна, что утѣшать себя можно только предположеніями о сгущеніи красокъ* [1]).

Переходимъ къ обсужденію принципіальнаго вопроса, возбужденнаго Министромъ Юстиціи въ законодательномъ порядкѣ, объ упраздненіи мѣстныхъ крестьянскихъ судебныхъ учрежденій.

Въ этомъ отношеніи надлежитъ прежде всего отмѣтить, что всѣ члены Государственной Думы, какъ равно и печать, единодушно признаютъ тотъ *несомнѣнный фактъ*, что волостной судъ плохъ, негоденъ и что сохраненіе его, по крайней мѣрѣ въ настоящей его постановкѣ, невозможно.

Затѣмъ по вопросу о дальнѣйшей участи волостныхъ судовъ мнѣнія раздѣляются.

Одни, къ которымъ примыкаетъ большинство членовъ Думы, полагаютъ необходимымъ всѣ судебныя крестьянскія учрежденія упразднить безповоротно и крестьянъ, въ судебномъ отношеніи, уравнять съ остальными сословіями, на одинаковыхъ съ ними основаніяхъ.

Съ другой стороны, меньшинство членовъ находитъ, что, если удержать существующій порядокъ и крестьянъ оставить вѣдаться и впредь *однихъ въ своей средѣ*, то они дѣйствительно не будутъ въ состояніи справиться даже съ низшею формою суда, но что по соединеніи крестьянъ *съ инымъ элементомъ,—съ помѣстнымъ дворянскимъ сословіемъ*,—суды

---

[1]) С. Ю. Витте, предсѣдатель Высочайше учрежденнаго особаго присутствія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: Записка по крестьянскому дѣлу, изд. 1905 г.

сдѣлаются болѣе совершенными по отправленію ими правосудія [1]).

Нельзя, конечно, отрицать, что власть, стоящая наиболѣе близко къ народу, представляетъ не мало преимуществъ и во многихъ случаяхъ совѣтами, указаніями и мѣропріятіями можетъ въ раіонѣ, въ которомъ она призвана дѣйствовать, способствовать благоустройству данной мѣстности и общественному тамъ спокойствію. Въ этомъ отношеніи земскіе начальники, пользуясь административною властью, могутъ приносить въ извѣстныхъ случаяхъ пользу, что и подтверждается примѣрами (продовольственное дѣло, устройство хуторского и отрубного хозяйствъ).

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется дѣятельность тѣхъ же начальниковъ, когда она, въ виду дарованныхъ имъ прерогативъ, является властью судебною.

Въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности приводятся многочисленные случаи противозаконныхъ распоряженій земскихъ начальниковъ. Общій выводъ изъ докладовъ комитетовъ и поступившихъ въ нихъ записокъ отъ разныхъ мѣстныхъ дѣятелей тотъ, „что безправіе въ деревнѣ не имѣетъ границъ, законъ обращенъ въ мертвую букву, чувство законности вытравлено изъ населенія, и вмѣсто довѣрія, которое будто бы заслужили въ населеніи земскіе начальники, какъ о томъ доносили мѣстные правительственные органы, крестьяне, „собравшись у завалинки и мирно бесѣдуя, разбѣгаются при появленіи тройки съ земскимъ начальникомъ“ (Труды Уфимскаго комитета).

---

[1]) Подобное же мнѣніе встрѣчаемъ мы и у нѣкоторыхъ участниковъ реформы 1861 г. Такъ, извѣстный общественный дѣятель К. Д. Кавелинъ, знаменитый по своимъ запискамъ по крестьянскимъ дѣламъ и горячій поклонникъ реформы, проживавшій подолгу въ своемъ имѣніи и прилагавшій всевозможные способы къ улучшенію крестьянскаго быта, пришелъ наконецъ къ самымъ пессимистическимъ взглядамъ на крестьянскую самодѣятельность и находилъ, что „народъ самъ лично не выработаетъ ничего, если правительство не придетъ къ нему на помощь“.—Письмо К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту отъ 18 августа 1876 г. „Русская Старина“, февраль 1899 г.

Наиболѣе вѣскими въ этомъ отношеніи доказательствами ихъ дѣятельности представляются несомнѣнно дѣла, производящіяся во II Департаментѣ Правительствующаго Сената. До какого произвола, пренебреженія къ закону и непониманія своего долга доходятъ земскіе начальники, нельзя даже себѣ представить, если бы не живыя лѣтописи рѣшенныхъ Сенатомъ дѣлъ. Укажемъ на нѣкоторыя.

Такъ, напримѣръ, присужденіе земскимъ начальникомъ къ аресту лица за неявку къ нему, по его требованію: выяснилось, что такое требованіе явилось подъ вліяніемъ личнаго раздраженія земскаго начальника, вызваннаго отказомъ ему въ отпускѣ мяса въ кредитъ изъ лавки подвергнутаго аресту; былъ также подвергнутъ немедленному *аресту* явившійся по уголовному дѣлу защитникомъ докторъ химіи Бернскаго университета Шпунте за нарушеніе порядка при разборѣ дѣла во время засѣданія; назначенъ арестъ за неявку лицу, проживавшему въ другомъ участкѣ; оштрафованы огульно 175 крестьянъ за неисполненіе требованія земскаго начальника объ исправленіи дорогъ, наложено взысканіе на всѣхъ домохозяевъ села Красный Яръ за неисполненіе требованія о посадкѣ деревьевъ и пр.

Самое тяжелое впечатлѣніе производятъ свѣдѣнія по дѣламъ Второго Департамента Правительствующаго Сената *объ отмѣнѣ окончательныхъ постановленій земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ.*

Такихъ дѣлъ въ періодъ послѣдняго десятилѣтія, съ 1899—1908 г.г. включительно, было въ разсмотрѣніи Второго Департамента Сената *4090*; изъ нихъ Департаментомъ отмѣнено было *3151*, т. е. 77% [1]).

Такова дѣятельность земскихъ начальниковъ въ ея судебныхъ функціяхъ, подтвердившая еще разъ всѣ вредныя послѣдствія соединенія административной и судебной власти въ единомъ лицѣ.

Сторонники волостныхъ судовъ признаютъ также со своей

---

[1]) Второй Департ. Прав. Сената, къ его двадцатипятилѣтію, 1884—1909 г.г. (истор. очеркъ, стр. 51—56, 84—85).

стороны полную несостоятельность судебной дѣятельности земскихъ начальниковъ, но относятъ таковую не къ кореннымъ недостаткамъ самого учрежденія, а единственно къ искаженію положенія 1889 года, при проведеніи его въ жизнь исполнителями. Тѣмъ не менѣе однако они не предлагаютъ сохранить это положеніе на будущее время, хотя бы въ исправленномъ, согласно смыслу законоположенія, видѣ, и избираютъ „для *спайки цементомъ матеріала*,—подъ которымъ разумѣются *крестьяне*,—*созидаемаго государственнаго зданія* [1]) иной элементъ,—это участіе въ крестьянскихъ учрежденіяхъ *мировыхъ судей, безъ надзора которыхъ за дѣйствіями волостныхъ судовъ эти послѣдніе теряютъ всякое значеніе*. Слѣдуя этому соображенію и находя, что мѣстные суды въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и гминные суды въ губерніяхъ Царства Польскаго дѣйствуютъ справедливо и ими крестьяне довольны, защитники сохраненія волостныхъ судовъ, устроенныхъ нынѣ, по положенію 1889 г., полагаютъ, вмѣсто упраздненія ихъ, преобразовать ихъ примѣнительно къ тѣмъ постановленіямъ, которыя дѣйствуютъ въ вышеуказанныхъ окраинскихъ судахъ.

V.

Обратясь къ устройству крестьянскихъ судовъ Прибалтійскихъ губерній, слѣдуетъ замѣтить, что положеніемъ 9 іюля 1889 года о преобразованіи судебной части въ этихъ губерніяхъ дѣйствительно гарантирована правильность какъ рѣшеній крестьянскихъ волостныхъ судовъ, такъ и то, что при таковыхъ рѣшеніяхъ приняты будутъ въ соображенія мѣстныя условія и бытовыя крестьянскія особенности. Такъ, между прочимъ, для разбора жалобъ на рѣшенія, приговоры и постановленія волостныхъ судовъ учреждены особыя присутствія, именуемыя *верхними крестьянскими судами*, состоящіе, при судебныхъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ

---

[1]) Рѣчь Н. Маркова, произнесенная въ Государственной Думѣ въ ноябрѣ 1909 г. при обсужденіи внесеннаго Министромъ Юстиціи проекта о преобразованіи мѣстнаго суда.

предсѣдателя сего суда, назначаемаго Министромъ Юстиціи изъ лицъ, удовлетворяющихъ, по образовательному цензу, условіямъ на избраніе мировыхъ судей, и изъ двухъ предсѣдателей волостныхъ (низшихъ) судовъ.

Затѣмъ высшій надзоръ за волостными и верхними крестьянскими судами и разсмотрѣніе приносимыхъ на означенные суды жалобъ возлагается на съѣзды мировыхъ судей. Тѣмъ не менѣе, какъ указываетъ Министръ Юстиціи, истцы бѣгутъ отъ своихъ волостныхъ судовъ.

Съ своей стороны, мы лично, обращаясь постоянно, въ теченіе свыше 30 лѣтъ, по своимъ внѣслужебнымъ обязанностямъ, именно съ крестьянскимъ населеніемъ Прибалтійскаго края и побывавъ даже неоднократно во многихъ его мѣстностяхъ, можемъ подтвердить, что крестьяне, при бесѣдахъ съ нами, дѣйствительно тяготятся своими волостными судами и желаютъ пріобщенія своего по судебнымъ дѣламъ къ общимъ судамъ Имперіи наравнѣ съ прочими сословіями. При этомъ не можемъ также не указать, что крестьяне, будучи недовольны своимъ судомъ, самымъ сочувственнымъ образомъ относятся къ дѣятельности коммиссаровъ,—личный составъ которыхъ дѣйствительно очень хорошъ,—съ полнымъ довѣріемъ обращаются къ нимъ по своимъ дѣламъ и встрѣчаютъ съ ихъ стороны добрый совѣтъ и посильную помощь.

Переходимъ къ гминнымъ судамъ Царства Польскаго.

До 1864 г. сословныхъ, чисто крестьянскихъ судовъ въ Царствѣ Польскомъ не существовало, какъ равно не было тамъ и столь рѣзко, какъ у насъ, очерченнаго сословія крестьянъ. То и другое получило опредѣленное закономъ устройство по политическимъ соображеніямъ.

Въ виду крайне враждебныхъ отношеній въ Царствѣ къ Россіи, проявившихся въ 1863 г. открытымъ мятежомъ, правительство признавало, что „прочное основаніе русскому дѣлу въ Польшѣ можетъ быть положено лишь кореннымъ переустройствомъ тѣхъ находившихся въ самомъ Царствѣ зачатковъ, преуспѣяніе и перевѣсъ которыхъ были бы благопріятны для Россіи, съ поставленіемъ этихъ зачатковъ въ такія условія, при которыхъ они могли бы свободно и все-

цѣло развиться, окрѣпнуть и противодѣйствовать элементамъ, враждебнымъ Россіи".—Руководствуясь этими соображеніями, правительство рѣшилось въ помощь себѣ призвать къ самостоятельной жизни мѣстныя народныя силы сельскаго состоянія, оставшагося во время смуты вѣрнымъ Россіи, несмотря на прельщенія со стороны бунтовщиковъ, угрозы и жестокія казни.

Въ сихъ видахъ было дано самобытное значеніе чисто народному учрежденію, *громадѣ*,—совершенно, впрочемъ, не переставшей существовать въ этомъ краю, но временно лишь подавленной непомѣрнымъ вліяніемъ другихъ сословій,—образовано новое гминное устройство *на началѣ мірскомъ*, при чемъ дѣйствіе закона о гминахъ распространено на всѣхъ, безъ исключенія, сельскихъ жителей. Въ числѣ гминныхъ учрежденій образованъ и *гминный судъ*, изъ выборныхъ лицъ, въ составѣ предсѣдателя и двухъ лавниковъ; его вѣдомству подлежатъ всѣ безъ изъятія лица, имѣющія въ предѣлахъ гмины постоянное или только временное мѣсто жительства.

Произведенное въ 1868 г. обозрѣніе гминныхъ судовъ, по Высочайшему повелѣнію, Товарищемъ Министра Юстиціи, тайнымъ совѣтникомъ Перцовымъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ членовъ Министерства Юстиціи, привело къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ,—о крайней неудовлетворительности гминныхъ судовъ.

На это обстоятельство было обращено вниманіе, при обсужденіи въ соединенномъ присутствіи Комитета по дѣламъ Царства Польскаго съ Департаментами Государственнаго Совѣта представленія управляющаго Собственною канцеляріею по дѣламъ Царства Польскаго о преобразованіи судебной части въ губерніяхъ Царства, съ расширеніемъ при этомъ компетенціи гминныхъ судовъ.

Въ соединенномъ присутствіи мнѣнія членовъ, по поводу устройства гминныхъ судовъ, раздѣлились.

Меньшинство членовъ, въ виду приведеннаго выше указанія о несовершенствѣ гминныхъ судовъ, полагало, если и не понизить компетенціи судовъ, то во всякомъ случаѣ оставить таковую по прежнимъ правиламъ.

Съ другой стороны, большинство членовъ приняло въ особенное вниманіе „свидѣтельство лица, бывшаго первымъ непосредственнымъ исполнителемъ Высочайшей воли, относительно преобразованій въ Царствѣ Польскомъ, статсъ-секретаря Милютина, который въ присланной запискѣ поддерживалъ представленіе статсъ-секретаря Набокова *по политическимъ причинамъ* и находилъ, что лишать гминныя учрежденія власти судебной и передать ее въ руки назначаемыхъ отъ правительства чиновниковъ значило бы ослабить единственную прочную и надежную опору русскаго дѣла въ Царствѣ, и притомъ ослабить ее въ самомъ существенномъ изъ условій ея дальнѣйшаго развитія, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что изъ предоставленнаго гминному управленію круга дѣятельности, не административная его власть,—по самому своему свойству подчиненная личному вліянію начальства,—а одна лишь судебная власть можетъ дѣйствительно способствовать развитію и укрѣпленію самостоятельности гмины, безъ чего она окажется безсильною для противодѣйствія враждебнымъ Россіи шляхетскимъ тенденціямъ. На этомъ основаніи, въ преобразованіи судебной части желательно было бы стремиться не къ ограниченію, а къ увеличенію участія народа въ дѣлѣ суда, и приготовить путь къ постепенному осуществленію намѣреній правительства въ этомъ отношеніи, избѣгая такихъ законоположеній, которыя и въ будущемъ преграждали бы къ тому возможность“ [1]).

Нужно при этомъ замѣтить, что меньшинство членовъ, по поводу изложенныхъ въ запискѣ предположеній о дальнѣйшемъ развитіи гмины, въ видахъ той полезной дѣятельности, которая отъ нея ожидается для русскаго дѣла, останавливалось на вопросѣ, сохранить ли тогдашній составъ гминныхъ судовъ и на будущее время, и находило, что есть много поводовъ предполагать, что такое положеніе дѣлъ можетъ въ будущемъ измѣниться. Такъ, воспоминаніе о мятежѣ и о лицахъ, принимавшихъ въ немъ участіе, изгладится,

---

[1]) Записка эта составлена была Н. А. Милютинымъ, при участіи кн. В. А. Черкасскаго и Ю. Ѳ. Самарина.

исчезнетъ, быть можетъ, и память о дарованныхъ правительствомъ милостяхъ, а при такихъ обстоятельствахъ и другихъ условіяхъ нельзя положительно утверждать, чтобы составъ гминныхъ судовъ чрезъ нѣкоторое время не измѣнился и чтобы въ него не вошли тѣ самые элементы, которые признаются неблагонадежными и существованіе которыхъ служитъ препятствіемъ къ распространенію на Царство Польское выборнаго мирового института.

Большинство членовъ, напротивъ, было такъ увѣрено въ незыблемости надежнаго, преданнаго Россіи въ гминныхъ судахъ элемента, что оставило заявленіе меньшинства членовъ безъ всякаго возраженія.

Положеніемъ 19 февраля 1875 г. примѣнены къ Варшавскому судебному округу общіе Судебные уставы 1864 г., при чемъ составъ и компетенція гминныхъ судовъ опредѣлена согласно представленію статсъ-секретаря Набокова.

По поводу могущей послѣдовать перемѣны въ личномъ составѣ гминныхъ судовъ во вредъ Россіи,—какъ о томъ заявляло меньшинство членовъ соединеннаго присутствія,—считаемъ небезполезнымъ остановиться на нижеслѣдующемъ мнѣніи Н. А. Милютина, изложенномъ во внесенной въ Комитетъ Министровъ въ 1866 г., запискѣ, по поводу предположенія о дарованіи нѣкоторыхъ льготъ въ политическомъ отношеніи для преступниковъ Царства Польскаго, ко дню бракосочетанія Императора Александра III, бывшаго въ то время наслѣдникомъ престола.

„Опытъ показываетъ, что, несмотря на всѣ снисхожденія, кои оказывались въ разное время русскимъ правительствомъ жителямъ Царства Польскаго, несмотря на чрезмѣрныя льготы, дарованныя Императоромъ Александромъ I, а также на милости, оказанныя въ недавнее время,—враждебное противъ Государя и Россіи настроеніе польскаго общества (т. е. извѣстныхъ классовъ его) не только не ослабѣвало, но, напротивъ, усиливалось въ прямомъ отношеніи къ степени снисходительности правительства. Исторія подтверждаетъ, что каждое подобное снисхожденіе принималось поляками за признакъ слабости, и оттого, чѣмъ шире были милости, тѣмъ вражда ихъ

выражалась сильнѣе и сильнѣе, а дважды перешла даже въ открытое возстаніе. Только энергическія мѣры правительства могли, если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ обуздать въ значительной степени явное сопротивленіе поляковъ правительственнымъ дѣйствіямъ".

Не входя въ критическое отношеніе настоящаго заявленія, мы, по бывшимъ въ тѣ времена служебнымъ своимъ занятіямъ, можемъ лишь указать, что при льготахъ, дарованныхъ Царству незадолго до возстанія, русскіе чиновники, служившіе тамъ, были поголовно удалены отъ должностей, и самое положеніе лицъ русскаго происхожденія православныхъ было крайне гнетущее.

Въ настоящее время, въ виду дарованныхъ великихъ Высочайшихъ милостей Государемъ Императоромъ Николаемъ II, распространенныхъ и на губерніи Царства Польскаго, возникаетъ вопросъ, не отразились ли эти обстоятельства на положеніи русскаго дѣла въ губерніяхъ Царства и самые гминные суды, призванные къ безпристрастному отправленію правосудія, оказываются ли попрежнему на высотѣ своего призванія и оправдываютъ ли довѣріе, выказываемое имъ правительствомъ въ благожелательности ихъ къ Россіи вообще и въ огражденіи въ судебномъ отношеніи русскихъ православнаго исповѣданія отъ несправедливыхъ посягательствъ на нихъ нѣкоторыхъ классовъ польскаго общества.

VI.

Изъ приведеннаго обозрѣнія дѣятельности волостныхъ судовъ усматривается, что, несмотря на различныя мѣстныя условія, на неодинаковое культурное развитіе и бытовыя особенности населенія, таковая ихъ дѣятельность, гдѣ бы она ни распространялась, является *повсемѣстно* совершенно неудовлетворительною и не соотвѣтствуетъ началамъ отправленія правосудія, по пристрастному, лицепріятному отношенію къ одной изъ тяжущихся сторонъ, а также и къ лицамъ, обвиняемымъ въ проступкахъ, подсудныхъ волостнымъ судамъ; при чемъ такія несовершенства, замѣчаемыя въ дѣйствіяхъ

волостныхъ судовъ, съ теченіемъ времени нисколько не умаляются и выступаютъ особенно рельефно.

Эти обстоятельства служатъ прямымъ указаніемъ, что въ самыхъ положеніяхъ о волостныхъ судахъ имѣются такого рода существенные недостатки, которые препятствуютъ всякому развитію правоспособности волостныхъ судовъ.

Дѣйствительно, причины такого явленія коренятся въ возрастаніи преобладанія экономическихъ интересовъ, охватывающихъ постепенно, прогрессивно всѣ отрасли общественной жизни, захватывая и жизнь частную, и, какъ приведено выше, чѣмъ среда менѣе образована въ извѣстной мѣстности, чѣмъ менѣе для рабочаго, трудящагося населенія представляется источниковъ добыванія средствъ къ жизни и, наконецъ, чѣмъ тѣснѣе самый кругъ мѣстныхъ интересовъ,—тѣмъ болѣе возрастаетъ господство лицъ съ извѣстнымъ достаткомъ надъ неимущими, которые и подпадаютъ подъ полную отъ нихъ зависимость [1]).

Съ другой стороны, тѣ же экономическіе интересы и иныя побочныя условія скрѣпляютъ связь между людьми состоятельными, конечно, ко вреду бѣдняковъ. Это послѣднее обстоятельство ведетъ между прочимъ еще и къ тому, что во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній и даже послѣдствій въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе въ волостныхъ судахъ послѣдуетъ не въ пользу стороны, съ которой связано лицо, участвовавшее въ судебномъ засѣданіи, даже лучшіе изъ крестьянъ уклоняются отъ принятія на себя судейскихъ обязанностей, и въ волостные судьи нерѣдко избираются малоспособные и малоимущіе, которымъ терять нечего, при чемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ у крестьянъ сложилась даже поговорка: „что судьи, что чурки“ (Воронеж., Красноярск. уѣзд. комит.). Если же болѣе способные и попадаютъ на судейскія должности, то они обыкновенно относятся самымъ пассивнымъ образомъ къ своимъ обязанностямъ, уклоняются высказывать опредѣленно свое мнѣніе, а если и выражаютъ таковое, то преимущественно съ цѣлью поддержать интересы своихъ сто-

---

[1]) Князя Шаховскаго: Земледѣльческій отходъ крестьянъ, изд. 1903 г.

ронниковъ, хотя бы лично они сознавали всю неправильность ихъ дѣйствій.

Такое явленіе встрѣчается повсемѣстно. Его не избѣгли и гминные суды Царства Польскаго въ лицѣ *лавниковъ*, какъ это видно изъ заявленій въ засѣданіи Государственной Думы (4 ноября 1909 г.) со стороны Министра Юстиціи, опиравшагося на отзывы мѣстныхъ дѣятелей и высшихъ административныхъ лицъ.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію практическаго примѣненія положенія 12-го іюля 1889 г., не можемъ не отмѣтить, что собственно съ *формальной* стороны дѣятельность волостныхъ судовъ несомнѣнно улучшилась сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. Такъ, бывшія до того обыденнымъ явленіемъ попойки предъ началомъ судебнаго засѣданія и другія безобразія почти вовсе исчезаютъ, дѣлопроизводство съ внѣшней стороны ведется довольно аккуратно, и самыя судебныя постановленія съ мотивами излагаются писарями толково, чему немало способствуетъ и то обстоятельство, что волости уплачиваютъ писарямъ за ихъ труды приличное вознагражденіе, составляющее по разнымъ волостямъ отъ 500—600 р., доходящее до 1000 р. и даже нѣсколько болѣе этой суммы въ годъ. Само собою разумѣется, что за такое вознагражденіе и за иныя дѣлаемыя имъ послуги писаря всевозможными средствами стараются ограждать интересы вліятельныхъ въ волости лицъ, благодаря которымъ они и получаютъ извѣстное для себя матеріальное обезпеченіе.

Если же мы коснемся дѣятельности волостныхъ судовъ *по существу*, то едва-ли мы ошибемся, судя по матеріаламъ, заключающимся въ трудахъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а равно и по другимъ источникамъ, что со введеніемъ положенія 12 іюля 1889 г. волостные суды, въ силу тѣхъ же приведенныхъ причинъ, продолжаютъ понижаться, чему до нѣкоторой степени способствуетъ и проявляемое въ ихъ дѣятельности участіе самихъ земскихъ начальниковъ, „*уронившихъ* всякое *довѣріе* со стороны населенія *къ суду и закону*“. Словомъ,

происходятъ тѣ же явленія, какія были и до введенія положенія 1889 г., но еще съ большею силою: матеріальное положеніе крестьянъ упадаетъ, „за исключеніемъ кулаковъ и міроѣдовъ, все остальное крестьянство—просто нищенствующее населеніе“,—заявляютъ комитеты.

Такимъ образомъ тѣ опасенія, которыя выражались членами дворянскихъ комитетовъ и въ редакціонныхъ коммисіяхъ при самомъ начертаніи волостныхъ судовъ въ составѣ выборныхъ изъ среды мѣстныхъ крестьянъ, подтвердились на практикѣ, и *сосѣдскій* судъ,—строгое безпристрастіе котораго возможно лишь при патріархальномъ *(младенческомъ)* состояніи населенія, не только не охраняетъ въ наши времена справедливыхъ требованій бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, но своимъ судебнымъ авторитетомъ прикрываетъ всякія беззаконныя дѣйствія со стороны вліятельной по матеріальному состоянію кучки крестьянъ и тѣмъ поощряетъ къ совершенію сими послѣдними дальнѣйшихъ противозаконныхъ поступковъ.

Весьма знаменателенъ тотъ фактъ, что какъ прогрессивное большинство уѣздныхъ комитетовъ, такъ и реакціонное меньшинство безусловно признаютъ чрезвычайный упадокъ современной деревни, такъ что едва-ли не $^2/_3$ населенія все болѣе бѣднѣетъ, и вообще деревня находится въ тяжеломъ положеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что такое явленіе происходитъ отъ разнородныхъ обстоятельствъ, но нельзя также отрицать, что въ числѣ таковыхъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ занимаетъ также безспорно отсутствіе безпристрастнаго для крестьянъ правосудія.

Наконецъ, что касается до предположенія меньшинства, *о подчиненіи волостныхъ судовъ надзору мировыхъ судей*, въ видахъ улучшенія ихъ, то допущеніе подобной мѣры не поможетъ достигнуть намѣченной цѣли и не устранитъ отрицательныхъ сторонъ строя волостного правосудія.

Въ настоящее время земскому начальнику предоставляется уже право разсматривать и представлять по маловажнымъ дѣламъ въ уѣздные съѣзды для отмѣны всѣ рѣшенія волостныхъ судовъ, если рѣшеніе постановлено съ нарушеніемъ

предѣловъ власти волостного суда или *признается* земскимъ начальникомъ явно неправосуднымъ (общ. пол. изд. 1902 г., ст. 141). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Тульской губ.) земскіе начальники получаютъ на просмотръ почти каждый приговоръ волостного суда, при чемъ между земскими начальниками находятся даже лица съ юридическимъ образованіемъ, тѣмъ не менѣе на практикѣ эта мѣра оказалась недѣйствительною, не говоря уже про крестьянскіе суды, гдѣ существуютъ земскіе начальники, но и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ суды устроены въ болѣе совершенномъ видѣ, какъ это указано выше.

Причиною этому служитъ то обстоятельство, что подобный контроль основанъ на разсмотрѣніи и обсужденіи тѣхъ данныхъ, которыя изложены въ дѣлѣ, словомъ, на бумажномъ производствѣ, но для того, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ приведенные въ дѣлѣ факты соотвѣтствуютъ дѣйствительности, наиболѣе надежнымъ средствомъ представлялось производство мировымъ судьею самаго дѣла по выработаннымъ уже наукою правиламъ, подтвержденнымъ практикою. Такимъ образомъ пришлось бы начинать снова *процессуальное производство* по такимъ дѣламъ, которыя были уже въ разрѣшеніи волостныхъ судовъ (??), а это одно уже обстоятельство служило бы яснымъ доказательствомъ безполезности самыхъ волостныхъ судовъ. Недостаточно однако собранныхъ еще подобнымъ путемъ свѣдѣній для правильнаго постановленія окончательнаго рѣшенія по онымъ. Вѣдь въ вѣдомствѣ волостныхъ судовъ состоятъ дѣла, однородныя съ тѣми, которыя подсудны Судебнымъ уставамъ 1864 г. и отличаются отъ послѣднихъ преимущественно суммою иска или взысканія.

Практика мировыхъ судовъ достаточно обнаружила, что въ нихъ возникаютъ нерѣдко вопросы не менѣе сложные и затруднительные къ рѣшенію, чѣмъ въ дѣлахъ общей подсудности. Возможно ли ожидать, чтобъ къ рѣшенію такихъ дѣлъ оказались судьи малограмотные? И въ затруднительныхъ случаяхъ въ настоящее время волостные судьи въ своихъ рѣшеніяхъ прибѣгаютъ обыкновенно къ ссылкѣ на су-

ществующій будто бы обычай въ ихъ мѣстности, что, конечно, едва-ли можетъ быть признано правильнымъ.

То обстоятельство, что волостнымъ судамъ подвѣдомственны маловажныя гражданскія дѣла, мало можетъ послужить къ извѣстному огражденію тяжущихся, такъ какъ именно удовлетвореніе маловажныхъ исковъ составляетъ для батрака нерѣдко весьма великое подспорье въ его повседневной жизни. То же можно сказать и по поводу предоставленія волостнымъ судамъ права разрѣшать дѣла по мелкимъ проступкамъ, совершаемымъ крестьянами, ибо возрастающая преступность *главнымъ образомъ проявляется* именно въ *мелкихъ нарушеніяхъ*, встрѣчаемыхъ едва-ли не на каждомъ шагу, въ тѣхъ запретахъ, которые закономъ подвергаются ничтожнымъ наказаніямъ (заявленіе Министра Юстиціи), и для крестьянина, какъ и вообще для всякаго вообще лица, представляется весьма важнымъ, чтобы приговоръ состоялся безпристрастно, по существу дѣла и по чистой совѣсти, а не подъ натискомъ иныхъ постороннихъ соображеній и вліяній.

Мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы неправое рѣшеніе было послѣдствіемъ грубо корыстныхъ побужденій, но оно часто происходитъ и отъ небрежнаго отношенія выборныхъ судей къ своимъ обязанностямъ,—отношенія, „гдѣ *всѣ свои*, гдѣ все рѣшается по-домашнему, и судья не могъ не порадѣть при случаѣ своему брату-пріятелю“ [1]).

Мы разсмотрѣли всѣ доводы сторонниковъ волостныхъ судовъ и не могли не прійти къ выводу, что волостные суды имѣютъ такія несовершенства, при которыхъ самое ихъ существованіе приноситъ вредъ крестьянскому населенію и, чѣмъ они скорѣе будутъ замѣнены для крестьянъ инымъ судомъ, тѣмъ для нихъ будетъ полезнѣе [2]). На сей конецъ необходимо вернуться къ завѣтамъ эпохи великихъ реформъ Александра II. Путь этотъ по отношенію суда для крестьянъ предуказанъ былъ Всемилостивѣйшимъ манифестомъ,

---

[1]) Аксаковъ: „Русь“, 1883 г., № 5.

[2]) П. К е м п е: Земскіе начальники и волостной судъ.

изданнымъ 19 февраля 1861 г., объ освобожденіи крестьянъ, и лишь временно пріостановленный по разнымъ обстоятельствамъ, и состоитъ въ примѣненіи къ крестьянамъ, въ данномъ случаѣ, Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.

VII.

Министръ Юстиціи, внося представленіе объ уничтоженіи крестьянскихъ судебныхъ учрежденій и распространеніи на крестьянъ общихъ судебныхъ установленій, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ, по особымъ политическимъ соображеніямъ, это представляется пока несвоевременнымъ, руководствовался приведенными выше Высочайшими повелѣніями и своими обязанностями предъ страною, о предоставленіи средствъ защиты для бѣднѣйшаго крестьянскаго населенія, чему Судебные уставы служатъ надежнымъ якоремъ.

Изъ возраженій, высказанныхъ въ засѣданіи Государственной Думы и въ повременныхъ изданіяхъ по внесенному Министромъ проекту, остановимся на болѣе существенныхъ вопросахъ, а именно: 1) объ отдаленности отъ населенія суда, по ограниченному числу мировыхъ судей; 2) о крестьянскихъ обычаяхъ при разсмотрѣніи дѣлъ; 3) объ имущественномъ цензѣ при избраніи на должности мировыхъ судей и 4) о назначеніи предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ отъ правительства, взамѣнъ выборовъ ихъ изъ среды мировыхъ судей.

Обратясь къ *первому* изъ приведенныхъ вопросовъ, слѣдуетъ отмѣтить, что собственно разстояніе отъ мѣста нахожденія камеры мирового судьи немногимъ превышаетъ разстояніе мѣста постояннаго пребыванія земскаго начальника отъ наиболѣе отдаленной мѣстности, на которую распространяется его компетенція, тѣмъ не менѣе жителямъ отдаленныхъ мѣстностей не приходится блуждать, отыскивая мирового судью при его отлучкахъ изъ мѣста камеры, такъ какъ, по принятому по мировой юстиціи общему правилу, при производствѣ разбора дѣлъ внѣ мѣста нахожденія ка-

меры, назначается заблаговременно опредѣленное время, когда и гдѣ именно мировой судья будетъ производить разборъ дѣлъ внѣ камеры. Такой разборъ назначается обыкновенно въ одинъ изъ дней каждой недѣли, о чемъ заблаговременно выставляется въ видномъ мѣстѣ росписаніе какъ въ камерѣ, такъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ разбирать судья, и потому тяжущимся и привлекаемымъ къ отвѣтственности за проступки лицамъ не приходится блуждать понапрасну, отыскивая мирового судью.

Впрочемъ, вопросъ объ установленіи разныхъ правилъ къ возможному облегченію для тяжущихся сторонъ доступа къ скорѣйшему судебному разбору ихъ дѣла не составляетъ предмета, подлежащаго разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ, и можетъ послѣдовать тѣмъ же порядкомъ, какой соблюдается при разъясненіи подлежащихъ статей Судебныхъ уставовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ введеніемъ мировыхъ учрежденій населенію не представляется особенной надобности прибѣгать обязательно къ помощи такъ называемыхъ подпольныхъ ходатаевъ по написанію прошеній,—на что такъ упираетъ меньшинство членовъ Государственной Думы,—такъ какъ, по силѣ 51 ст. уст. гражд. суд., таковыя просьбы, приносимыя мировому судьѣ, могутъ быть не только письменныя, но и *словесныя*, при чемъ, въ огражденіе тяжущихся, словесныя просьбы по записаніи ихъ мировымъ судьею въ книгу прочитываются истцу и, если дѣйствительно выражаютъ требованіе истца, то, буде грамотный, имъ и подписываются. Но вѣдь такой порядокъ существуетъ нынѣ и въ волостныхъ судахъ, и потому естественно возникаетъ вопросъ, почему же въ волостныхъ судахъ не было *будто бы* предлагающихъ тяжущимся своихъ услугъ со стороны подпольныхъ ходатаевъ, а съ перенесеніемъ означеннаго правила для тяжущихся на мировые суды они станутъ размножаться, несмотря даже на то, что обрядъ пріема словесныхъ просьбъ мировымъ судьею болѣе гарантируетъ по своимъ формальностямъ дѣйствительныя желанія тяжущихся, сравнительно съ обычнымъ пріемомъ просьбъ волостными судами.

Что касается принятія въ соображеніе при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ существующихъ у крестьянъ *обычныхъ нормъ*, то по этому предмету было уже высказано мнѣніе выше. Въ дополненіе къ сему мы можемъ еще указать, что въ прежнее время и даже на первыхъ порахъ по освобожденіи крестьянъ дѣйствительно существовали еще обычаи, воспитанные многовѣковою жизнью народа и постоянно обновлявшіеся практикою, но затѣмъ они постепенно утрачивали свою свѣжесть и нынѣ выцвѣли уже до полнаго исчезновенія, не соотвѣтствуя болѣе измѣнившимся формамъ народной жизни. Если же встрѣчаются рѣшенія волостныхъ судовъ, состоявшіяся на основаніи обычнаго права,—что, впрочемъ, бываетъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ,—то и тутъ рѣшительно невозможно уловить какихъ либо устойчивыхъ и постоянныхъ нормъ. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ тяжебныхъ дѣлахъ нельзя однако съ ними не считаться, въ особенности по договорамъ о наймѣ, займахъ и т. п., но и эти обстоятельства предвидѣны уставомъ гражданскаго судопроизводства, по ст. 105 коего, всякаго рода акты, какъ совершенные и явленные установленнымъ порядкомъ, такъ и *домашніе*, а равно и другія бумаги принимаются мировымъ судьею при рѣшеніи дѣла, а слѣдовательно и обычаи, которые впрочемъ разнообразны до крайности. Бываютъ случаи, когда въ одной мѣстности существуетъ по извѣстному предмету опредѣленный обычай и въ то же время въ другой мѣстности, отстоящей отъ первой въ небольшомъ разстояніи, не далѣе 20—30 верстъ, по тому же предмету соблюдаются иныя обычныя правила. Народная пословица: „что ни городъ, то норовъ, что ни деревня, то обычай“, и до сихъ поръ, хотя не въ прежней степени, имѣетъ однако силу. Для опредѣленія того, составляетъ ли извѣстная форма сдѣлки дѣйствительно обычное правило въ данной мѣстности, меньшинство членовъ Думы предполагаетъ самыя засѣданія мировыхъ судей по дѣламъ гражданскимъ производить не иначе, какъ коллегіально, при участіи лицъ, избранныхъ отъ крестьянъ.

Другое предположеніе, болѣе осторожное, состоитъ въ

томъ, чтобы „обычай признавать доказаннымъ, если онъ однообразно примѣнялся волостнымъ судомъ въ прежнихъ его рѣшеніяхъ или если онъ будетъ удостовѣренъ приговоромъ мѣстнаго *сельскаго схода*, особо для того созваннаго, на основаніи ходатайства тяжущагося“ [1]). Но мы уже видѣли, какого рода приговоры мірскихъ сходовъ и то, къ чему приводитъ участіе въ судахъ выборныхъ отъ крестьянъ. Практика же самыхъ мировыхъ судебныхъ установленій достаточно удостовѣряетъ, какую вѣру можно давать приговорамъ сходовъ и волостныхъ судовъ по производившимся дѣламъ у мировыхъ судей, при чемъ имъ приходилось провѣрять извѣстный фактъ лично на мѣстѣ, и постоянно добытый этимъ путемъ матеріалъ рѣзко различался отъ изложеннаго въ протоколѣ.

Относительно установленія опредѣленнаго *имущественнаго ценза* для лица, избираемаго въ мировые судьи (ст. 19, § 3 учрежд. судебн. установл.), слѣдуетъ замѣтить, что законодатель не предполагалъ связывать *безусловно* цензъ кандидата на означенную должность съ обязанностью непремѣнно служить въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ находится его недвижимость. Такое предположеніе подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что, устанавливая имущественный цензъ, выразившійся въ опредѣленномъ пространствѣ земли, а въ прочей недвижимости въ извѣстной суммѣ,—законъ вмѣстѣ съ тѣмъ добавляетъ, „хотя бы въ разныхъ мѣстахъ и не только въ той губерніи, гдѣ имѣетъ свое жительство,—изъ чего слѣдуетъ заключить, что лицо, имѣющее установленный цензъ для занятія должности мирового судьи, можетъ быть избираемо въ эту должность во всякой мѣстности, хотя бы тамъ не имѣло никакой недвижимости, иначе пришлось бы лишиться мировой юстиціи лучшихъ юридическихъ лицъ, и во всякомъ случаѣ полезныхъ образованныхъ дѣятелей, такъ какъ большинство изъ нихъ проживаетъ внѣ раіона своихъ недвижимостей.

---

[1]) Труды редакціонной коммисіи 1902 г. по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. Т. I, стр. 203, полож. о волостн. суд., ст. 121.

Такъ понимается законъ о цензѣ повсемѣстно, и большіе города, въ томъ числѣ столицы, наполнены мировыми судьями, не обладающими цензомъ въ тѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, гдѣ состоятъ мировыми судьями, при чемъ въ теченіе всего періода дѣйствій Судебныхъ уставовъ 1864 г. ни разу и не возбуждался даже въ установленномъ порядкѣ вопросъ объ иномъ толкованіи закона. Самая же цѣль обладанія мировымъ судьею извѣстнымъ цензомъ,—притомъ въ довольно солидномъ размѣрѣ,—заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы имѣть судьями лицъ, болѣе обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи и потому представляющихъ извѣстную гарантію самостоятельности и консерватизма при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей.

Съ другой стороны, несомнѣнно, что при избраніи въ мировые судьи законодатель считалъ полезнымъ таковыя должности предоставлять преимущественно мѣстнымъ землевладѣльцамъ въ особенности при выборѣ *почетныхъ* мировыхъ судей, въ видахъ „*поддержки достоинства* и авторитета мирового института“.

Переходя наконецъ къ проекту Министра Юстиціи *о назначеніи предсѣдателями* мировыхъ съѣздовъ *отъ правительства*, а не по выборамъ ихъ мировыми судьями изъ своей среды, мы не можемъ прежде всего не остановиться на первыхъ порахъ по введеніи мировыхъ учрежденій, послѣдовавшемъ въ 1866 г.

Въ то время населеніе чутко относилось къ выборамъ въ земство и въ мировые судьи, и стоявшіе во главѣ мѣстнаго земскаго управленія и городскія управленія въ столицахъ и въ г. Одессѣ предлагали сами лицамъ, извѣстнымъ своими юридическими познаніями и вообще образованіемъ, какъ равно пользовавшимся извѣстнымъ почетнымъ положеніемъ, служить по мировой юстиціи участковыми или почетными мировыми судьями.

Съ тѣхъ поръ однако обстоятельства значительно измѣнились.

Въ силу тѣхъ же экономическихъ условій, получающихъ первенствующее значеніе въ общественной жизни, самые

выборы въ земскія и городскія учрежденія носятъ нынѣ характеръ борьбы между собой партій съ подборомъ голосовъ, и болѣе могучая партія, исключительно по числу приверженцевъ, явившихся на выборы, распоряжается по своему усмотрѣнію, ставя извѣстныхъ ей лицъ въ гласные, а эти послѣдніе избираютъ на должности мировыхъ судей, которые такимъ образомъ попадаютъ въ извѣстную зависимость отъ избравшихъ ихъ гласныхъ. Подобная зависимость увеличивается еще тѣмъ, что гласные связаны между собою солидарностью интересовъ, и потому нерасположеніе вліятельныхъ изъ нихъ къ мировому судьѣ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ отозваться роковыми для такого судьи послѣдствіями.

Этою-то партійною связью объясняются кажущіяся по первому взгляду мало объяснимыми странныя явленія. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, особенно выдающіяся.

Въ С.-Петербургскомъ уѣздномъ земствѣ состоялъ въ числѣ предсѣдателей управы (одно время бывшій почетнымъ мировымъ судьею) И. И. Кусовъ, слишкомъ четверть вѣка занимавшій этотъ постъ, посвятившій себя всецѣло земской службѣ, написавшій прекрасную, обстоятельную исторію 25-лѣтней дѣятельности земства; но вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ онъ занемогъ и, сложивъ съ себя должность предсѣдателя управы, остался гласнымъ. Всѣ его замѣчанія въ земскихъ собраніяхъ, какъ отличнаго знатока дѣла и всѣхъ мѣстностей края, принимались гласными съ особеннымъ уваженіемъ. Но такое положеніе И. И. Кусова не нравилось преобладающей партіи, и съ наступленіемъ новыхъ выборовъ онъ вовсе не былъ избранъ въ гласные. Это обстоятельство произвело на него удручающее впечатлѣніе, что ускорило его смерть.

Теперь переходимъ къ мировымъ судьямъ.

Въ томъ же уѣздѣ былъ громаднѣйшимъ большинствомъ избранъ въ добавочные мировые судьи отличный знатокъ Судебныхъ уставовъ и всѣхъ ихъ распоряженій, къ которому постоянно обращались за совѣтами въ случаѣ какихъ либо сомнѣній прочіе мировые судьи. За смертью одного изъ участковыхъ мировыхъ судей, на него возложено было едино-

гласнымъ постановленіемъ съѣзда завѣдываніе вакантнымъ мировымъ участкомъ, гдѣ онъ проявилъ кипучую дѣятельность, не говоря уже о правильныхъ, образцовыхъ приговорахъ. Онъ вскорѣ сталъ неугоденъ главарю партіи и тѣмъ же самымъ составомъ гласныхъ, который такъ блестяще избралъ его въ добавочные мировые судьи, былъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ забаллотированъ при выборахъ въ участковые мировые судьи. Впослѣдствіи онъ заслужилъ благоволеніе главаря и блестяще, чрезъ 3 года, выбранъ въ участковые мировые судьи.

По тѣмъ же причинамъ, еще въ самое недавнее время одинъ изъ почетныхъ мировыхъ судей, юристъ, долгое время состоявшій юрисконсультомъ одного изъ министерствъ и занимающій нынѣ по вѣдомству юстиціи видный постъ, былъ также забаллотированъ.

Обратимся къ С.-Петербургскому столичному мировому учрежденію, гдѣ одно время мы сами состояли въ числѣ почетныхъ мировыхъ судей, и остановимся на выдающихся фактахъ, *случаяхъ*, сохранившихся въ нашей памяти.

Въ то время предсѣдателемъ тамошняго мирового съѣзда состоялъ О. И. Квистъ, извѣстный ученый юристъ, прекрасный практикъ по служенію своему въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ, принимавшій дѣятельное участіе въ работахъ по составленію Судебныхъ уставовъ 1864 г.; имъ же лично написанъ наказъ мировымъ судьямъ сего округа, сохраняющій силу и по настоящее время. Но одно лицо изъ почетныхъ мировыхъ судей, состоявшее въ числѣ главарей городской думы (впрочемъ, хорошій юристъ), пожелало само занять должность предсѣдателя съѣзда, что было хорошо извѣстно мировымъ судьямъ; хотя выставленъ былъ на эту должность кандидатомъ одинъ только Квистъ, но онъ, подъ давленіемъ извнѣ, былъ избранъ крайне ограниченнымъ большинствомъ (перевѣсъ 1-2 голосовъ) и, конечно, отказался отъ принятія должности. Затѣмъ предложено было на эту должность лицо, желавшее получить таковую, и послѣдовало почти единогласное его избраніе.

Былъ и такой случай, когда дѣльный мировой судья,

позволившій въ одномъ обществѣ обвинить публично въ неблаговидномъ будто бы поступкѣ (съ корыстною цѣлью) вліятельное по городскому управленію лицо, на послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ въ мировые судьи былъ забаллотированъ.

Приведенными же выше обстоятельствами, этимъ висящимъ надъ головами мировыхъ судей дамокловымъ мечомъ, объясняются встрѣчаемыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ послабленія со стороны мировыхъ судей при постановленіяхъ ихъ по взысканіямъ за проступки, допущенные по отношенію извѣстныхъ, вліятельныхъ лицъ и отмѣченные печатью.

Впрочемъ, мы должны оговориться, что случаи таковыхъ не вполнѣ правильныхъ приговоровъ довольно рѣдки, и мы менѣе всего думаемъ изъ отдѣльныхъ судебныхъ казусовъ дѣлать сплошное огульное обвиненіе всей дѣятельности судебныхъ мировыхъ учрежденій, какъ это, къ сожалѣнію, встрѣчается въ нѣкоторыхъ органахъ печати. Напротивъ, мы, на основаніи собственнаго 25-лѣтняго судебнаго опыта исполненія обязанностей предсѣдательствующаго (въ отсутствіи предсѣдателя), а въ послѣдніе 3 года и предсѣдателя съѣзда, можемъ удостовѣрить по чистой совѣсти, что мировые судьи, своею безспорно полезною и въ огромномъ большинствѣ самоотверженною дѣятельностью, пользуются, по справедливости, довѣріемъ въ общественномъ мнѣніи, но что и замѣченныя ненормальныя явленія въ приговорахъ мировыхъ судей могли бы еще болѣе сократиться при болѣе внимательномъ наблюденіи за ними со стороны мировыхъ съѣздовъ, согласно ст. 64 учрежд. суд. уст. Между тѣмъ надзоръ за мировыми судьями почти вовсе отсутствуетъ, и въ большинствѣ случаевъ при неправильныхъ дѣйствіяхъ мирового судьи съѣздъ не принимаетъ соотвѣтственныхъ законныхъ мѣръ противъ виновныхъ, а ограничивается, такъ сказать, *товарищескимъ* судомъ, съ обычнымъ въ сихъ случаяхъ постановленіемъ: *разъяснить* такому-то судьѣ неправильное его дѣйствіе, хотя бы проступокъ былъ такого рода, послѣдствіемъ котораго должно быть наложеніе на виновнаго дисциплинарнаго взысканія и даже болѣе тяжкаго наказанія.

Предсѣдатель же съѣзда въ этихъ случаяхъ бездѣйствуетъ, находясь въ извѣстной зависимости отъ своихъ товарищей, его избравшихъ, а иногда и вслѣдствіе зависимости отъ гласныхъ, избравшихъ его въ мировые судьи, когда провинившійся участковый мировой судья, по особымъ причинамъ, пользуется благоволеніемъ гласныхъ.

Вотъ, разсматривая вопросъ съ юридической и практической стороны, нельзя не пожелать, чтобы, въ видахъ безпристрастнаго надзора за дѣятельностью мировыхъ судей, предсѣдатель съѣзда поставленъ былъ внѣ всякаго вліянія какой либо личной зависимости, и потому взамѣнъ выборнаго предсѣдателемъ съѣзда состоялъ опытный юристъ по назначенію правительства.

Такое предположеніе, по указаннымъ причинамъ, раздѣляютъ даже и многіе преданные дѣлу мировые судьи, въ томъ числѣ и бывшій долго, почти до послѣдняго времени, предсѣдателемъ С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, высказавшій подобный взглядъ въ б. судебной коммисіи при Министерствѣ Юстиціи.

Доводы же, выставляемые сторонниками выборнаго предсѣдателя и состоящіе въ томъ, что такой предсѣдатель не будетъ пользоваться авторитетомъ и что товарищи не станутъ обращаться къ нему въ своихъ сомнѣніяхъ по вопросамъ юридической техники [1]), значительно преувеличены; все зависитъ отъ личныхъ познаній назначеннаго въ предсѣдатели мирового съѣзда и его нравственныхъ качествъ, да и самый выборъ въ предсѣдатели съѣзда коллегіально далеко не зависитъ отъ тѣхъ условій, которыя намѣчены защитниками выборнаго предсѣдателя, но нерѣдко, по совершенно инымъ соображеніямъ, въ предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ даже въ самыхъ обширныхъ центрахъ избираются лица, уступающія, по своимъ юридическимъ познаніямъ, весьма и весьма многимъ изъ участковыхъ мировыхъ судей [2]).

---

[1]) К. Дерюжинскаго: Мѣстный судъ.

[2]) Принятыя, при разсмотрѣніи дѣятельности столичныхъ съѣздовъ миро-

VIII.

Заканчивая настоящую статью о волостныхъ судахъ и мировой юстиціи, мы считаемъ не излишнимъ остановить вниманіе на слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Когда какому либо законопроекту извѣстныя партіи въ Государственной Думѣ не сочувствуютъ или считаютъ нежелательнымъ его проведеніе, то, взамѣнъ спокойнаго критическаго отношенія къ проекту, такія партіи нерѣдко и даже въ большинствѣ случаевъ обыкновенно ссылаются, какъ на незыблемый авторитетъ, на предшествовавшія законоположенія, не соотвѣтствовавшія предложенной мѣрѣ, и на этомъ главномъ основаніи отвергаютъ внесенный проектъ и даже въ извѣстныхъ случаяхъ стремятся не допустить обсужденія его въ принципѣ въ Государственной Думѣ.

Подобныя же попытки, хотя и въ значительно смягченной формѣ, были и при обсужденіи въ Думѣ проекта Министра Юстиціи объ упраздненіи спеціальныхъ крестьянскихъ судебныхъ учрежденій.

Мы менѣе всего идемъ противъ указаній на *память историческую*, безъ которой нѣтъ надлежащаго мѣрила для оцѣнки текущей жизни, какъ равно и одна текущая жизнь, безъ принятія во вниманіе прежнихъ событій, не освѣтитъ дѣйствительныхъ потребностей общества, и, только поднявшись надъ тѣмъ и другимъ, возможно произнести болѣе безпристрастный и правдивый судъ и уразумѣть логику событій, отводя каждому творящемуся явленію законное, подобающее ему *во времени мѣсто*.

Къ сожалѣнію, этого правила объ единеніи прошедшаго съ настоящимъ при разсмотрѣніи жизненныхъ вопросовъ,—въ данномъ случаѣ законодательныхъ проектовъ, какъ въ Государственной Думѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ повременныхъ органахъ печати,—далеко не наблюдается. Одни, какъ сказано

выхъ судей, относительно назначенія предсѣдателей съѣзда отъ правительства соображенія еще болѣе указываютъ на такое назначеніе въ провинціальныхъ городахъ.

выше, ссылаясь на прошедшее, держатся по многимъ новымъ законопроектамъ statu quo, игнорируя то повседневное явленіе, что жизнь народовъ, какъ и жизнь частныхъ лицъ, дѣйствительно не терпитъ застоя и что съ теченіемъ времени все подвергается измѣненію.

Другіе, принадлежащіе уже къ прогрессистамъ, желая опредѣлить всю государственную и общественную жизнь на иныхъ началахъ, не справляются съ бытовыми условіями и даже съ современными народными требованіями, тѣмъ не менѣе въ иныхъ случаяхъ, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, противъ вносимыхъ законопроектовъ, по какимъ либо причинамъ, по ихъ мнѣнію, не пріемлемыхъ, ссылаются также на прежнія Высочайшія повелѣнія, не соотвѣтствовавшія проектируемымъ мѣрамъ, какъ на такой авторитетъ, въ силу котораго такое новое предложеніе не должно подлежать вовсе обсужденію, какъ это высказано было въ Государственной Думѣ однимъ изъ лидеровъ партіи отъ имени послѣдней по финляндскому вопросу.

Такъ какъ партіи, при совершенно противоположныхъ направленіяхъ въ изложеніи своихъ взглядовъ на законопроектъ, приводятъ Высочайшія повелѣнія, то мы и обратимся къ значенію издаваемыхъ Высочайшихъ повелѣній или Высочайше утвержденныхъ мнѣній и положеній высшихъ учрежденій и лицъ.

Съ своей стороны, мы лично не будемъ входить въ обсужденіе настоящаго предмета—для насъ важно, авторитетно то мнѣніе, коему придаетъ значеніе та именно верховная власть, отъ которой исходятъ постановленія.

Такой вопросъ возникъ при Императорѣ Николаѣ I по слѣдующему совершенно частному случаю.

Въ 1850 г. учрежденъ былъ, по Высочайшей волѣ, комитетъ для разсмотрѣнія постановленій объ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Предположеніе комитета первоначально состояло въ томъ, чтобы окончившимъ курсъ ученія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не было предоставлено, за одно лишь успѣшное окончаніе курса ученія, ни классныхъ чиновъ при

вступленіи въ службу, ни особыхъ преимуществъ въ продолженіе оной по производству въ чины.

Императоръ Николай I, оставивъ въ своей силѣ права окончившихъ курсъ ученія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на классный чинъ при выпускѣ изъ заведенія, утвердилъ только послѣднее изъ этихъ предположеній,—о непредоставленіи означеннымъ воспитанникамъ особыхъ преимуществъ во время самой службы, но и это послѣднее,— по свойственному Государю взгляду допускать измѣненія въ законоположеніяхъ по возможности только *въ особыхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ*,—было замедлено въ исполненіи и осуществлено уже при Императорѣ Александрѣ II въ 1856 г.

Независимо отъ этого, комитетъ предполагалъ уравнять воспитанниковъ Императорскихъ Лицея и Училища Правовѣдѣнія въ правахъ съ воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній (университетовъ) и, согласно сему, награждать ихъ при ихъ выпускѣ не свыше X класса, вмѣсто IX (для лучшихъ учениковъ).

Съ такимъ мнѣніемъ не согласился принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, попечитель приведенныхъ учебныхъ заведеній, признававшій необходимымъ сохранить за ними ихъ прежнія преимущества, и въ особенное подкрѣпленіе своего домогательства выставилъ, между прочимъ, слѣдующія вѣскія обстоятельства а именно, что преимущества Лицея дарованы были ему Императоромъ Александромъ I, который *въ грамотѣ* объ ономъ *ручался за себя и за преемниковъ своихъ въ сохраненіи сихъ преимуществъ, а преимущества Училища Правовѣдѣнія дарованы Императоромъ Николаемъ I, утвердившимъ уставъ онаго.*

Чтобы уяснить всю важность подобнаго аргумента въ пользу Лицея и Училища Правовѣдѣнія, нужно припомнить, что Императоръ Николай I высоко цѣнилъ всѣ постановленія своего Августѣйшаго брата и, если касался таковыхъ, то съ величайшею осторожностью, только при вызывавшейся крайней неотложности въ ихъ измѣненіи, но и въ этихъ случаяхъ старался не уничтожать ихъ совершенно, но допускать лишь

частныя перемѣны, что такъ рельефно выразилось по усмиренію польскаго возстанія въ 30-хъ годахъ прошедшаго XIX столѣтія,- въ измѣненіяхъ государственныхъ учрежденій Польши.

По этой же причинѣ постановленія учрежденнаго комитета, называвшагося по времени своего учрежденія,—*комитетомъ 6 декабря* 1826 г. для разсмотрѣнія найденныхъ въ бумагахъ Императора Александра I проектовъ измѣненій по разнымъ частямъ государственнаго управленія, несмотря на внимательное отношеніе къ нимъ Николая I, не получили дальнѣйшаго движенія, и въ 1832 г. комитетъ былъ упраздненъ.

Что касается до послѣдовавшихъ при Императорѣ Николаѣ I законоположеній и Высочайшихъ повелѣній, то всякій въ нихъ недосмотръ и даже пропущенныя при перепискѣ ошибки въ словахъ не оставлялись Императоромъ безъ строгаго взысканія. Такъ, напр., въ приложенной при указѣ 11 ноября 1831 г. росписи о возвышеніи на 1832 г. нѣкоторыхъ косвенныхъ сборовъ упущено было указаніе срока, съ котораго надлежало взимать таковые сборы. Государь собственноручнымъ рескриптомъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, графа Кочубея, сдѣлалъ строгое внушеніе всѣмъ членамъ Совѣта и выразилъ увѣренность, „что никогда не будетъ вынужденъ поставлять на видъ Государственному Совѣту недостатковъ вниманія въ какомъ бы то ни было дѣлѣ“.

Другой случай.

Состоявшій въ должности Государственнаго Секретаря баронъ (впослѣдствіи графъ) Корфъ представилъ на Высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе въ 1838 г. огромный проектъ учрежденія мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ. Государь замѣтилъ много ошибокъ, крайне разсердился, и, только по заявленію (письменному) Министра Государственныхъ Имуществъ, Киселева, принявшаго на себя вину, и согласно предстательству предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа Васильчикова, взысканіе съ Корфа ограничилось Высочайшимъ выговоромъ, съ слѣдующею при этомъ соб-

ственноручною резолюціею: „Хотя Я никакъ не могу извинить г. Корфа въ томъ, что осмѣлился *не повѣривъ самъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ) представить на Мое утвержденіе, но, по ходатайству вашему, согласенъ на ваше желаніе".

Равнымъ образомъ Государь обращалъ также особенное вниманіе на тѣ мотивы, которые приводились во всеподданнѣйшихъ докладахъ министровъ и въ журналахъ засѣданій Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и другихъ комитетовъ, представлявшихся на Высочайшее усмотрѣніе; бывали случаи, когда Государь дѣлалъ замѣчанія противъ приведенныхъ мотивовъ.

Примѣры всего сказаннаго, независимо отъ приведенныхъ въ сохранившихся запискахъ, каковы, напр., б. Государственнаго Секретаря графа Корфа, имѣются въ дѣлахъ высшихъ государственныхъ учрежденій.

Вотъ при такихъ-то условіяхъ представлялось необходимымъ комитету 1850 г. разсматривать возраженія принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и представить свое заключеніе Императору Николаю I.

Позволяемъ себѣ привести составъ комитета 1850 г.

Онъ былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ Главноуправляющаго б. II отдѣленіемъ Собственной канцеляріи гр. Блудова, изъ предсѣдателя Секретнаго комитета, учрежденнаго для изслѣдованія направленія русской литературы, генералъ-адъютанта Анненкова, оберъ-прокурора Св. Синода генерала гр. Протасова, завѣдывавшаго военно-учебными заведеніями генерала Ростовцова, члена указаннаго Секретнаго комитета, члена Государственнаго Совѣта барона (впослѣдствіи графа) Корфа и Министра Народнаго Просвѣщенія (въ то время князя Ширинскаго-Шихматова). Изъ нихъ гр. Блудова Государь называлъ своимъ другомъ, про прочихъ членовъ можно замѣтить, что они, по своимъ должностямъ, зорко слѣдили за всякими проявленіями печати и преслѣдовали лицъ, допускавшихъ въ печати осужденія и указанія неправильныхъ дѣйствій чиновъ правительственныхъ учрежденій, находя, что таковыя подрываютъ авторитетъ этихъ мѣстъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетъ верховной власти.

До какой крайней степени доходилъ надзоръ за печатью членовъ комитета, можно себѣ представить изъ слѣдующаго примѣра.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 2 іюня 1848 г., при описаніи концертовъ Гунгля въ Павловскомъ вокзалѣ, между прочимъ сказано: „на дняхъ убѣдились, что и *тамъ* (въ Царскомъ Селѣ), *гдѣ такса существуетъ, надобно торговаться*“,—вслѣдствіе чего было указано, чтобъ впредь не было допускаемо никакихъ, „какъ бы косвенныхъ порицаній дѣйствій и распоряженій правительства“.

Вообще всѣ усилія членовъ комитета были направлены къ сохраненію неизмѣнно всѣхъ существующихъ правилъ и въ особенности постановленій, состоявшихся при Александрѣ I и при царствовавшемъ Императорѣ Николаѣ I. Взгляды Государя на этотъ предметъ были имъ, болѣе чѣмъ другимъ, близко извѣстны.

При этихъ-то лицахъ и обстоятельствахъ пришлось комитету обсуждать возраженія Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго на постановленія его, и, по всѣмъ видимымъ даннымъ, можно было ожидать, что мнѣніе комитета несомнѣнно склонится къ доводамъ Его Императорскаго Высочества, но комитетъ отнесся такъ, какъ ему долгъ и совѣсть повелѣвали, и высказался совершенно обратно, а именно [1]):

„Съ своей стороны, комитетъ, указывая на измѣнившіяся обстоятельства съ того времени, когда были изданы уставы упомянутыхъ заведеній, находилъ при этомъ, что грамота Императора Благословеннаго, при учрежденіи Лицея ему данная, едвали можетъ быть признаваема, какъ обязанность оставить указанныя въ ней преимущества *навсегда безъ измѣненія*. Грамоты, коими присвояются привилегіи цѣлымъ сословіямъ или состояніямъ, суть акты гораздо болѣе важные, нежели грамоты объ учрежденіи учебныхъ заведеній, но и онѣ нерѣдко подвергаются измѣненію по обстоятельствамъ и инымъ требованіямъ времени и края. Такъ, до нѣкоторой степени ограничены права, присвоенныя первоначально дворянству въ жалованной оному

[1]) Засѣданія комитета 17 ноября 1851 г. и 3 апрѣля 1852 г.

грамотѣ (21 апрѣля 1785 г.) [1]), а также привилегіи въ изъятіи отъ податей и повинностей, данныя нѣкогда цѣлымъ племенамъ при вступленіи ихъ въ подданство Россіи или при переселеніи въ оную и т. п. *Виды правительства и соотвѣтствующія симъ видамъ обѣщанія не могутъ простираться на вѣчныя времена, ибо обстоятельства перемѣняются, и, если бы правительство останавливалось въ своихъ дѣйствіяхъ по уваженію актовъ прежняго времени, то Россія была бы лишена многихъ постановленій, коими ограждаются честь, сила и слава государства*".

Затѣмъ комитетъ отъ приведенныхъ общихъ взглядовъ на возбужденный вопросъ перешелъ къ частнымъ замѣчаніямъ и также единогласно остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, изложивъ подробно оное въ журналѣ.

Государь, *вполнѣ раздѣляя взгляды* комитета *по принципіальному вопросу*, удостоилъ утвержденія журналъ, не сдѣлавъ на немъ никакихъ отмѣтокъ и замѣчаній.

За послѣдовавшимъ Высочайшимъ разрѣшеніемъ вопроса, исходящимъ такимъ образомъ отъ верховнаго законодательнаго источника, относительно пониманія Высочайшихъ манифестовъ, именныхъ указовъ и повелѣній, — коментаріи излишни.

Заключеніе.

Задача редакціонныхъ коммисій, указанная Высочайшею волею Императора Александра II, освободить народъ отъ рабства и поставить его на ноги достигнута. Положеніе 19 февраля 1861 года выполнило свое назначеніе.

Народъ поднялся и преобразился, онъ пережилъ старыя формы жизни, не удовлетворявшія болѣе слагавшимся новымъ потребностямъ. Наконецъ тѣ путы, которыя охватывали ихъ

---

[1]) Екатерина II, опредѣливъ дворянскія преимущества, грамотою 21 апрѣля 1785 г. утвердила ихъ *на вѣчныя времена и непоколебимо*. Затѣмъ манифестомъ отъ 2 апрѣля 1801 г. Александръ I, торжественно утверждая, возстановляя и *Императорскимъ словомъ Своимъ за Себя и наслѣдниковъ Своихъ* удостовѣряя всѣ права и преимущества, въ грамотѣ дворянства содержащіяся, повелѣлъ *признавать и почитать сіе постановленіе кореннымъ закономъ Имперіи*.

кольцомъ и препятствовали свободному ихъ развитію, державною волею дарованными величайшими милостями Государя Императора всему обществу и сельскому сословію, въ частности, съ него сняты, и народъ призывается къ самостоятельной дѣятельности, но для полнаго его благосостоянія необходимо прежде всего дать крестьянамъ такія судебныя гарантіи, которыя способствовали бы дѣйствительному огражденію имущественныхъ интересовъ и личности крестьянина и подчиненію его твердому и опредѣленному законопорядку, воспитывая вмѣстѣ съ тѣмъ въ народѣ чувства уваженія къ праву собственности.

Единственнымъ и наиболѣе вѣрнымъ къ тому средствомъ, опирающимся на многолѣтнюю практику и предначертаннымъ Императоромъ Александромъ II, представляется, съ упраздненіемъ сосѣдскихъ волостныхъ судовъ и вообще спеціальныхъ крестьянскихъ учрежденій, уравненіе въ отношеніи суда крестьянъ съ прочими сословіями, къ чему культурная крестьянская подготовленность не вызываетъ никакого сомнѣнія.